

Коллектив авторов
Сербия о себе. Сборник

«Европа»

Коллектив авторов

Сербия о себе. Сборник / Коллектив авторов — «Европа»,

Интерес к Сербии упал почти до нуля. Напрасно. Детальный ретроспективный анализ югославской драмы представляет не только исторический интерес. Сборник статей сербских политологов и экономистов, анализ поражения, его причин и шансов на выход из тупика, может оказаться чрезвычайно актуальным едва ли не в любую минуту. Книга – предостережение, и только от ее читателей зависит, смогут ли они вынести урок из опыта старых знакомых.

Содержание

От редактора-составителя	5
Мирослав Йованович	10
Наследие коммунизма	11
Гражданская война 1941–1945 годов – исходная точка идеологического раскола, повлиявшего на формирование общественного сознания	13
Как не критическое отношение к прошлому приводит к заблуждениям, которыми легко манипулировать	14
Общественная элита сербского народа	18
Последствия	22
Сербия и мир	24
Воин Димитриевич	24
Поиск поддержки в мире	25
Реакция зарубежья	30
Принципы и прагматика	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сербия о себе.

От редактора-составителя

Если подробно проанализировать периодичность употребления отдельных терминов в средствах массовой информации за последние пятнадцать лет, то, вне всякого сомнения, наиболее частыми стали бы такие названия, имена и понятия, как «Сербия», «сербы», «сербский народ», «Милошевич», «Югославия», «распад Югославии», «Караджич», «Младич», «Босния», «Сребреница», «Хорватия», «Гаагский трибунал», «бомбардировка Югославии силами НАТО» (или акция «гуманитарного» характера, цинично названная «Милосердный ангел»), «Косово»... Это вполне логично, учитывая все события, имевшие место на территории бывшей Югославии в последнем десятилетии XX века. Со многими из этих событий, топонимов и имен российские читатели волей-неволей тоже имели возможность ознакомиться через СМИ последних лет. Старшему поколению, привыкшему думать о Югославии как о процветающей стране, в которую во времена социализма было чрезвычайно сложно выехать, будто речь шла о западной державе, – к своему немалому изумлению, пришлось переменить этот идеализированный образ на более мрачное и гнетущее представление о государстве, гибнущем в горниле гражданской войны. Молодежи довелось узнавать о Югославии именно в связи с поступающей информацией об ужасах гражданской войны, и представители этого поколения по собственному выбору принимали «эту» или «ту» сторону сообразно с идеологическими и политическими реалиями нового времени. Однако и старшее, и младшее поколение недоумевали: как и почему все так получилось?

На этот вопрос, который я сам неоднократно слышал в России, пытались ответить многие: более или менее благонамеренные представители интеллигенции, ученые, журналисты, политики, деятели искусства и др. Таким образом, о Сербии, распаде Югославии и отдельных действующих лицах этих событий составила целая библиотека, насчитывающая более тысячи книг, сборников работ, документов, брошюр и более десятка, а возможно, и сотни научных исследований и статей¹. В Сербии, что понятно, уже опубликовано и продолжает публиковаться множество трудов на эти темы². Однако еще большее число работ вышло за последние

¹ Чтобы получить представление о количестве, ср.: Dobrila Stanković, Zlatan Maltarić (прir.), Svetska bibliografija o krizi u bivšoj Jugoslaviji, Beograd 1996; Krieg in Kroatien und Bosnien: eine Bibliographie 1989-1996, Bearbeitet von: Natalija Basic, Gudrun Döllner, Christoph Fuchs, Ingwer Schwensen, Hamburger Institut für Sozialforschung 1997; The British Library Slavonic and East European Collections: The Balkan crisis, 1990-: catalogue [Part 1], compiled by Sava Peic and Magda Szkuta (www.bl.uk/pdf/balkancrisis1.pdf); The British Library Slavonic and East European Collections: The Balkan crisis, 1990-: catalogue [Part 2], compiled by Sadie Morgan-Cheshire and Magda Szkuta (www.bl.uk/pdf/balkancrisis.pdf).

² Помимо работ, цитируемых в данном сборнике, к наиболее популярным относятся: Ljubivoje Aćimović, Svet i jugoslovenska kriza, Beograd 2001; Slobodan Antonić, Zarobljena zemlja. Srbija za vlade Slobodana Miloševića, Beograd 2002; Zoran Avramović, Drugo lice demokratije: (Srbija, Jugoslavija, svet: 1980-1994), Beograd 1998; Srbobran Branković, Serbia at War with Itself: Political Choise in Serbia 1990-1994, Belgrade 1995; Ljiljana Bulatović, General Mladic, Beograd – Banja Luka – Doboј 1996; Vladimir N. Cvetković, Strah i poniženje: (jugoslovenski rat i izbeglice u Srbiji: 1991-1997), Beograd 1998; Bogdan Denić, Etnički nacionalizam: tragična smrt Jugoslavije, Beograd 1996; Miloš Vasić, Kamenko Pajić, Deveti (9.) mart 1991, Beograd 1991; Ivan Čolović, Aljoša Mimica (Ur.), Druga Srbija, Beograd 1992; Slavoljub Đukić, Kraj srpske bajke: obnovljeno i novim dagadjajima dopunjeno izdanje s nastavkom price On, Ona i mi, Beograd 1999; Radmila Nakarada (Ur.), Evropa i raspad Jugoslavije, Beograd 1995; Ivan Čolović, Aljoša Mimica (Ur.), Intelektualci i rat, Beograd 1993; Božidar Jakšić, Balkanski paradoksi: ogledi o raspadu Jugoslavije, Beograd 2000; Milenko Jovanović, Srbi bez Krajine: 1994/95, Beograd 1996; Miodrag Jovičić, Kuda ideš, Srbijo?: hronika srpsko-jugoslovenske ustavnosti (1990-1994), Beograd 1995; Jelica Minic (Ur.), Jugoistočna Evropa 2000: pogled iz Srbije, Beograd 1999; Rozita Levi (Ur.), Jugoslavija i svet, Beograd 2000; S. Kovačević, P. Dajić, Hronologija jugoslovenske krize: (1942-1993), Beograd 1994; S. Kovačević, P. Dajić, Hronologija jugoslovenske krize: 1994, Beograd 1995; S. Kovačević, P. Dajić, Hronologija jugoslovenske krize: 1995, Beograd 1996; S. Kovačević, P. Dajić, Hronologija jugoslovenske krize: 1996, 1997; Brana Marković, Yugoslav Crisis and the World: chronology of Events: January 1990 – Decembar 1995, Belgrade 1996; Kosta Mihailović, Vasilije Krestić, Memorandum SANU: odgovori na kritike, Beograd 1995; Slobodan Mileusnić, Duhovni genocid 1991-1995: (pregled porušenih, oštećenih i obesvećenih crkava, manastira i drugih crkvenih zdanja na teritoriji bivših jugoslovenskih republika Hrvatske

десять лет в Европе, да и по всему миру³. За тот же промежуток времени и в России было опубликовано некоторое количество весьма значительных научных трудов и книг⁴. К этой категории также относится и целый ряд воспоминаний ведущих мировых и сербских политиков и дипломатов, которые были так или иначе вовлечены в югославские события и участвовали в принятии важных решений, стремясь прекратить военный конфликт в Югославии⁵. В этом конгломерате разнообразнейших трудов обнаруживаются как имеющие ярко выраженный пропагандистский характер, амбиции авторов которых не выходят за рамки публицистического жанра, так и работы – исторические, социологические, политологические, – где авторы попытались подойти к исследуемому вопросу с научной точки зрения (хотя, к сожалению, среди последних есть и немалое количество псевдонаучных).

Несмотря на тематическое изобилие, а также тот факт, что практически все авторы искали ответ на вопрос ПОЧЕМУ? – все эти публикации о распаде Югославии и о Сербии в

---

i BiH), Beograd 1996; Miodrag Mitić, *Medjunarodno pravo u jugoslovenskoj krizi*, Beograd 1996; Aleksandar Molnar, *Osnovna prava čoveka i raspad Jugoslavije*, Novi Sad 1994; *Odgovor na knjigu Noela Malkolma Kosovo – kratka istorija*, Beograd 2000; R. Nakarada, L. Basta-Posavac, S. Samardžić (ur.), *Raspad Jugoslavije – produžetak ili kraj agonije: (zbornik)*, Beograd 1992; Milan Šahović, *Hronika medjunarodne izolacije: (1990-1999)*, Beograd 2000; Laslo Sekelj, *Jugoslavija, struktura raspadanja: ogled o uzrocima strukture krize jugoslovenskog društva*, Beograd 1990; Predrag Simić, *Put u Rambuje: kosovska kriza 1995-2000*, Beograd 2000; Nebojša Popov (ur.), *Srpska strana rata: trauma i katarza u istorijskom pamćenju*, Beograd – Zrenjanin 1996; Svetozar Stojanović, *Propast komunizma i razbijanje Jugoslavije*, Beograd 1995; Vladan A. Vasiljević, *Zločin i odgovornost: ogled o medjunarodnom krivičnom pravu i raspadu Jugoslavije*, Beograd 1995; Dušan Vilić, Boško Todorović, *Razbijanje Jugoslavije: 1990-1992*, Beograd 1995; Ouro Zagorac, Dr Radovan Karadzic: fanatik srpske ideje, Beograd 1996; Mladjan Dinkić (ur.), *Završni račun: ekonomske posledice NATO bombardovanja: procena štete i sredstava potrebnih za ekonomsku rekonstrukciju Jugoslavije*, Beograd 1999.

³ К наиболее известным и часто цитируемым исследованиям на эту тему относятся: J.B. Allcock, *Explaining Yugoslavia*, London 2000; N. Arvanites, *Geopolitika i Balkan: Novi svetski poredak i organizovani kriminalitet na Kosovu*, Beograd 2000; N. Beloff, *Yugoslavia: an avoidable war*, London 1997; C Bennett, *Yugoslavia's Bloody Collapse: Causes, Course and Consequences*, London 1995; L. J. Cohen, *Broken Bonds: Yugoslavia's Disintegration and Balkan Politics in Transition*, Boulder – San Francisco – Oxford 1995; N. Čomski, *Novi militaristički humanizam: lekcije Kosova* (Перевод: *The New Military Humanism*), Beograd 2000; C Cviic, *Remaking the Balkans*, New York 1991; T. Zulch, (Hg.), *Die Angst des Dichters vor der Wirklichkeit: 16 Antworten auf Peter Handkes Winterreise nach Serbien*, Gottingen 1996; A.N. Dragnich, *Yugoslavia's Disintegration and the Struggle for Truth*, Boulder – New York 1995; Gen. P.-M. Gallois, *The Allah's sun is blinding the Occident*, Laussane 1995; M. Glenny, *The fall of Yugoslavia: the third Balkan war*, London – New York 1992; Nathaniel Harris, *The War in Former Yugoslavia*, Wayland 1997; M.P. van den Heuvel and J.G. Siccama (eds.), *The Disintegration of Yugoslavia*, Amsterdam 1997; H. Hofbauer, *Balkanski rat: razaranje Jugoslavije 1991-1999* (Перевод книги: *Balkankrieg: die Zerstörung Jugoslawiens*), Beograd 2001; T. Judah, *The Serbs -History, Myth – the Destruction of Yugoslavia*, London 1997; T. Judah, *Kosovo: War and Revenge*, New Haven – London 2000; R.D. Kaplan, *Balkan Ghosts: A Journey Through History*, New York 1993; G. Konrad, *Jugoslovenski rat: (i ono što može da usledi): beleške od marta do juna 1999 godine*, Beograd 2000; J.R. Lampe, *Yugoslavia as History: Twice There Was a Country*, Cambridge 1996; N. Malcolm, *Bosnia: a short history*, Washington – New York 1996; N. Malcolm, *Kosovo: a short history*, New York 1998; J. Merlino, *Les verites Yugoslaves ne sont pas toute bonnes a dire*, Paris 1993; S.P. Ramet, *Balkan Babel: Politics, Culture, and Religion in Yugoslavia*, Boulder 1992; M. Rezun, *Europe and War in the Balkans: Toward a New Yugoslav Identity*, Westport 1995; A. Sherman, *Perfidy in the Balkans – The Rape of Yugoslavia*, Athens 1993; L. Silber and A. Little, *The Death of Yugoslavia*, London 1996; L. Silber, *Yugoslavia: death of a nation*, New York 1997; D. Stoyanne, *Petit Glossaire de la Guerre Civile Yugoslave*, Lausanne 1994; P. Goff (ed.), *The Kosovo News and Propaganda War*, Vienna 1999; R. Thomas, *Serbia, Still Europe's Pariah?*, London 1996; M. Thompson, *Forging War: the Media in Serbia, Croatia and Bosnia-Herzegovina*, London 1995; M. Vickers, *Between Serb and Albanian: a History of Kosovo*, New York 1998; S.L. Woodward, *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*, Washington, DC 1995; D.A. Dyker and I. Vejvoda (eds.), *Yugoslavia and After: a Study in Fragmentation, Despair and Rebirth*, London – New York 1996.

⁴ Здесь особо хотелось бы отметить следующие работы: Никифоров К.В. *Между Кремлем и Республикой Сербской. Боснийский кризис: завершающий этап*. М., 1999; Волков В.К. *Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 2000; Он же. *Трагедия Югославии // Новая и новейшая история*. 1994. № 4-5. С. 3-32; И особенно работы Е.Ю. Гуськовой: *Югославия в огне*. М., 1992; *Югославский кризис и Россия*. М., 1993; *Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (мирные планы 1991-1995 гг.)*. М., 1998; *Военные конфликты на территории бывшей Югославии в конце XX в.: Хроника событий*. М., 1999; *Международные организации и кризис на Балканах: Документы. I-III*. М., 2000; *История югославского кризиса (1990-2000)*. М., 2001.

⁵ Здесь особо хотелось бы отметить следующие работы: Никифоров К.В. *Между Кремлем и Республикой Сербской. Боснийский кризис: завершающий этап*. М., 1999; Волков В.К. *Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 2000; Он же. *Трагедия Югославии // Новая и новейшая история*. 1994. № 4-5. С. 3-32; И особенно работы Е.Ю. Гуськовой: *Югославия в огне*. М., 1992; *Югославский кризис и Россия*. М., 1993; *Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (мирные планы 1991-1995 гг.)*. М., 1998; *Военные конфликты на территории бывшей Югославии в конце XX в.: Хроника событий*. М., 1999; *Международные организации и кризис на Балканах: Документы. I-III*. М., 2000; *История югославского кризиса (1990-2000)*. М., 2001.

истекшем десятилетии можно разделить на две категории. К первой относится огромное количество работ, написанных без внятного дистанцирования от событий или их участников, в которых поэтому прослеживается субъективно-пристрастный подход, неважно, идет ли речь об идеологической, пропагандистской, лоббистской или партийной принадлежности или склонности или же просто авторы не осведомлены или недостаточно осведомлены (это те, кто, зная, что внимание практически всей мировой общественности приковано к событиям на территории бывшей Югославии, в стремлении урвать кусок «славы», а в материальном отношении – «кусочек пожирнее», поспешили изложить сложнейшие события в экс-Югославии однозначно, не вдаваясь в подробности, с четким указанием на то, кому следовало быть *good guys* и *bad guys*). Именно благодаря таким работам (их подавляющему большинству) в мировых средствах массовой информации общая картина получилась крайне упрощенной: существует два типа авторов, писавших о событиях в Югославии – одни *pro*, другие *contra* Милошевича/Запада. Однако есть и другая, значительно меньшая, категория авторов, которые в своих работах пытались как можно более объективно охарактеризовать причины и следствия произошедшего на территории бывшей Югославии. Естественно, в той мере, в какой нам известны и доступны важнейшие документы и реальная подоплека событий. Но нередко эти авторы оставались на периферии интереса СМИ (быть может, именно потому, что не предлагали однозначных и простых ответов).

На фоне общей ситуации и сербские авторы, занимавшиеся этой проблематикой, распределялись в соответствии с принятой матрицей – *pro* или *contra* Милошевича. Это привело к навязыванию крайне упрощенного представления, что сербская интеллигенция разбилась на два конфликтующих лагеря: тех, кто беззаветно поддерживал Милошевича и осуждал Запад, и тех, кто безоговорочно осуждал Милошевича и поддерживал Запад, Запад же поддерживал этих последних. (Конечно, среди сербской интеллигенции были те, кого можно было отнести к одному или другому лагерю, другое дело, что они составляли меньшинство). К сожалению, российское общественное мнение приняло на веру подобную упрощенную схему. Однако это упрощение, как и любое другое, не соответствует действительности. Вопреки черно-белым представлениям, реальность была гораздо сложнее. Определенная группа сербской интеллигенции последние пятнадцать лет размышляла, открыто говорила и писала о положении в Сербии, стараясь критически оценить ситуацию, в которой оказались сербский народ и страна в последнем десятилетии XX века, – критически и относительно Милошевича, и относительно оппозиции. Но не стоит думать, что все они были единомышленниками. Отнюдь. Различия между ними вполне очевидны. Однако же и среди них были те, кто рассуждал субъективно и пристрастно. Но все же существуют два недвусмысленных критерия, которые позволяют объединить их в единую группу объективных наблюдателей (или старавшихся быть таковыми). Во-первых, явственное стремление на сложные проблемы давать комплексные ответы, и, во-вторых, несмотря на трудности и недостаток информации, старание сохранить критический, по возможности объективный и беспристрастный взгляд на события, независимо от «наших» и «не наших» (хотя термины «наши» и «не наши» меняли значение: к примеру, Милошевич и его политические оппоненты, Милошевич и сербский народ, Милошевич и Запад, Сербия и Запад и т. д.). Все эти нюансы остаются неизвестными. Естественно, неизвестны они и российскому читателю.

* * *

Концепцию данного сборника во многом определило желание раскрыть суть этих нюансов российскому читателю, ознакомив его с важнейшими проблемами, дилеммами и сомнениями, над которыми размышляли в Сербии последние пятнадцать лет. При этом я всеми силами старался не попасть в ловушку, угрожающую составителям сборников о современной

политике, а именно – сделать сборник «пропагандистским» с любой точки зрения. С другой стороны, следовало четко осознавать, что большинство статей, посвященных тем или иным событиям истекшего десятилетия, трудны для понимания вне своего контекста даже для современного сербского читателя. К примеру, нынешний читатель в Сербии с трудом догадается, на что прозрачно намекает автор, кто скрывается за инициалами в работах, написанных семь или восемь лет назад. Следовательно, требовалось, чтобы отобранные статьи были ясными, наглядными, информативными и понятными для непосвященного, поскольку российскому читателю совершенно незнакомы многие имена, топонимы и события, являющиеся для Сербии знакомыми (как, например, 9 марта 1991 года – первые массовые уличные демонстрации против Милошевича).

В соответствии с замыслом были выбраны тексты, охватывающие все важнейшие общественно-политические проблемы, с которыми Сербия столкнулась за последние пятнадцать лет. Статьи Воина Димитриевића «Югославский кризис и мировое сообщество» (Војин Димитријевић. Југословенска криза и међународна заједница) и Слободана Наумовића «„Балканские мясники“: мифы и заблуждения о распаде Югославии» (Слободан Наумовић. «Балкански касапи»: митови и погрешне представе о распаду Југославије) рассматривают два важных внешнеполитических вопроса – отношение международного сообщества к кризису в Югославии в середине 1990-х годов и стереотипные идеи о Сербии, сербах и распаде Югославии, сформировавшиеся на Западе с конца 1990-х годов. Работы Дубравки Стоянович, Дияны Вукманович, Бошко Миятовича, Ивана Янковича и Бошко Ристича, Джордже Вукадиновича, Слободана Антонића и Владимира Цветковича исследуют существенные проблемы и события, которые определяли внутреннюю сербскую политику в прошлом десятилетии. Эти работы, написанные с 1995 по 2002 год, посвящены отношению оппозиции к Слободану Милошевичу и его президентству, косовскому кризису, анализу президентства Милошевича, оценке политических перемен с октября 2000 года; в них рассмотрен один интересный аспект агрессии НАТО, а также различные аспекты положения в стране после смены власти, такие как проблема СМИ или проблема преступности, имеющие место или назревающие в сербском обществе. В статьях авторов, исследующих экономическую область, освещаются три вопроса, обременявших (и частично до сих пор обременяющих) сербскую экономику и общество в истекшем десятилетии: феномен одной из самых высоких гиперинфляций в мировой истории (Младжан Динкич), проблема «утечки мозгов» и рабочей силы в целом (Силвано Болчич) и, наконец, феномен теневой экономики (Слободан Цвейич). Работа Триво Инджича рассматривает серьезные социальные проблемы, с которыми сталкивается Сербия, дальнейшие перспективы образования, науки и культуры в период после Милошевича. Наконец, во вводной и заключительной статьях анализируются вопросы о влиянии общественного сознания, ответственности элиты общества за события прошлого десятилетия, суммируются последствия, которые оставил после себя кризис истекших десяти лет.

Статьи, вошедшие в данный сборник, были написаны и опубликованы в период с 1992 по 2002 годы. Хронологически они охватывают события военных конфликтов в Хорватии и Боснии, период гиперинфляции, окончание войн, подписание Дейтонского соглашения и начало косовского кризиса, «гуманитарную» интервенцию НАТО против Югославии, падение режима Милошевича и два первых года новой власти (это довольно значительный период для того, чтобы обозреть и оценить первые результаты).

Те из российских читателей, кто чуть больше осведомлен о происходящем в Сербии, легко заметят, что среди авторов, чьи работы включены в сборник, нет видных политиков. Это было сделано сознательно, ибо мне кажется, что, поскольку политики сами являлись представителями интеллигенции до того как уйти в политику (например, Воислав Коштуница, Драголюб Мичунович или ныне покойный Зоран Джинджич), то в своих работах, написанных или с позиции власти, или с точки зрения оппозиции, они вряд ли могли быть правдивы и критичны

не только по отношению к другим, но и к самим себе. Их видение актуального момента носит сильный отпечаток их политической (партийной) принадлежности. Единственным исключением стал текст (в действительности отрывок из книги) Младжана Динкича, который после смены власти в октябре 2000 года занял пост председателя Народного банка Югославии. Книга Динкича – очень важное экономическое исследование, чем оправдывается включение в сборник отрывка из нее. Кроме того, эта работа писалась в середине 1990-х годов, то есть до того, как Динкич стал видной политической фигурой.

Сказанное вовсе не означает, что ни один из авторов не участвует в политической жизни страны (например, в неправительственных организациях или политических партиях). Но это отнюдь не сказывается на их способности критически относиться к происходящему. Из пятнадцати авторов четверо принадлежат к старшему поколению: Воин Дмитриевич, Силвано Болчич, Бошко Миятович и Триво Инджич. Все остальные, условно говоря, являются представителями среднего и младшего поколения сербской интеллигенции. Такой композиционный подбор не случаен. Во-первых, мне хотелось, чтобы российские читатели могли познакомиться с новой генерацией сербских интеллигентов, чьи работы они вряд ли имели возможность прочесть, а во-вторых, сербский кризис должен быть освещен и с позиции тех, на чьем формировании и научной работе он оставил судьбоносный след. Дело в том, что большинство авторов статей данного сборника начали свою научную деятельность в конце 1980-х – начале 1990-х годов, то есть в самом начале кризиса в бывшей Югославии и Сербии, и, таким образом, их интеллектуальное и научное становление во многом было определено и подчинено событиям, дилеммам и невзгодам, которые переживала страна.

Наконец, у авторов текстов, вошедших в сборник, разнятся политические убеждения (выбраны были те, у кого наиболее широкий спектр политических идей), интеллектуальное осмысление современных событий, и это при том, что все они – ведущие специалисты в различных научных и профессиональных областях. Среди них есть юристы (Воин Дмитриевич, Иван Янкович и Бошко Ристич), историки (Мирослав Йованович и Дубравка Стоянович), социологи (Силвано Болчич, Триво Инджич, Слободан Антонич и Слободан Цвейич), антропологи (Слободан Наумович), философы (Джордже Вукадинович), экономисты (Бошко Миятович и Младжан Динкич), политологи (Диана Вукоманович и Владимир Цветкович). Думаем, что именно эти различия помогут российскому читателю получить представление о множественности ракурсов, в которых современная сербская интеллигенция видит нынешнюю ситуацию и проблемы Сербии.

* * *

Я искренне надеюсь, что статьи, объединенные в этой книге, дадут российским читателям возможность узнать о точках зрения на происходившее, познакомиться с проблемами и явлениями, которые игнорировались в последнее десятилетие вследствие чересчур пристального внимания средств массовой информации к политике и войнам на территории бывшей Югославии. Также я надеюсь, что выбор статей поможет российским читателям получить более ясное представление о неправомерности упрощенного разделения сербской интеллигенции на группы pro и contra Милошевича/Запада, так как это не соответствует действительности, а кроме того, российский читатель узнает, что и как Сербия думает о себе.

Мирослав Йованович

Что с нами произошло?

Пять пунктов к рассмотрению роли исторического сознания и общественной элиты в сегодняшней Сербии⁶

В начале 1990-х гг., с наступлением «времени перемен», сербский народ и сербское общество пережили колоссальные потрясения. Эти потрясения требовали своевременных и адекватных решений, найти которые, увы, не удалось. В критических ситуациях поведение народа и общества зависит от степени развитости и состояния общественного сознания и от качеств, поведения и действий общественной элиты. Оказалось, что ни у интеллектуальной, ни у политической, ни у военной, ни у экономической элиты сербского народа не было достаточно сил и необходимых качеств, чтобы достойно противостоять внешним и внутренним потрясениям и преодолеть трудности. Растерянность и беспомощность церковной элиты еще более усугубила всеобщее замешательство. Ко всему прочему, недостаточная развитость общественного сознания привела к появлению общественных и политических факторов, помешавших сплочению народа в критический момент, в результате чего мы и оказались в сегодняшней ситуации. Стечение всех вышеперечисленных обстоятельств стало причиной сокрушительного поражения, которое потерпел сербский народ (а ситуация и сейчас не меняется) в самом конце XX века.

Причины этого различны, равно как различны причины, повлекшие за собой события двух последних лет, завершившихся распадом Югославии и провалом официальной сербской политики. Ныне сербский народ рассеян по четырем балканским государствам, и видна тенденция к усугублению этой ситуации в отличие от 1914 г., когда сербы проживали в двух собственных суверенных государствах – Королевствах Сербии и Черногории, а также на территории Австро-Венгерской империи. Среди причин, приведших к современному положению, в отдельную группу можно выделить причины внешние, хотя они, несмотря на свое огромное значение, не повлияли ни на развитие общественного сознания, ни на формирование сербской общественной элиты. Решающее значение в данном случае имели внутренние факторы, обусловившие нынешние зловключения сербской нации.

---

⁶ «Ресавски поштоноша» («Ресавский почтальон»). III. № 15, 28.6.1992. С. 3–5.

Наследие коммунизма

Поражение, которое потерпел сербский народ в конце XX века, можно и нужно рассматривать и как наследие коммунизма. В этом отношении факторы, приведшие к катастрофе, необходимо рассматривать в двух планах. На рациональном уровне мероприятия предшествующей власти в общественно-политической сфере наложили неизгладимый след на политическую ситуацию, в которой оказался сербский народ, а также на формирование его общественного сознания (к примеру, Конституция 1974 г. или провозглашение черногорской нации). На иррациональном уровне проводились акции, в которых отчасти участвовала и сербская элита, ставившие своей целью идеологическую и политическую атаку на историческое сознание и историческое наследие сербского народа.

Наиболее опасным было манипулирование в области исторического сознания – важного элемента общественного сознания в целом. Осуществлялось это тремя способами: 1) попытками отодвинуть на задний план, прежде всего в образовании и культуре, конкретные исторические события недавнего и далекого прошлого (например, геноцид сербского народа в Независимом Государстве Хорватия в 1941–1945 гг., отдельные периоды и проблемы истории Сербии и сербского народа, Балканские войны и Первую мировую войну, сербскую государственность, историю Королевства Югославии, династическую историю); 2) выделением из контекста сербской истории отдельных явлений и эпизодов для демонстрации их как негативного опыта (например, турецкое иго, постоянные усобицы сербского народа); 3) внесением идеологии в историографию, а именно навязыванием только одной точки зрения на исторические события и явления – марксистской, а также определенного круга приемлемых и часто обсуждаемых тем (отечественная и зарубежная коммунистическая и марксистская история, история рабочего движения, Югославия во Второй мировой войне). Это последовательно проводилось в науке, образовании и культуре. Совокупность этих факторов во многом затруднила процесс рационального развития исторического сознания, породила некритическое отношение к прошлому, привела к примату эмоционального восприятия современности над рациональным, что мы сейчас и наблюдаем.

Социалистическая Федеративная Республика Югославия

Процесс стирания отдельных событий, периодов, процессов и личностей из исторической памяти, как правило, не дает результатов. Однако он может повлечь за собой весьма негативные последствия. Замалчиваемое все равно оседает в памяти, но в искаженной форме, близкой к мифу, и чаще всего передается из уст в уста, так что можно говорить о неких рецидивах эпического сознания. Например, сколько бы власть ни налагала табу на рассказы о геноциде, он не мог совсем исчезнуть из исторической памяти. Еще более яркий пример. Попытка полного отождествления генерала Драголюб Михайловича⁷ и «поглавника» («вождя») Анте Павелича⁸ не увенчалась успехом даже при влиянии зарубежных историков и публицистов, а только спровоцировала усиление иррационального и эмоционального в историческом сознании. А общим результатом замалчивания стала невозможность научной оценки и критического отношения к прошлому. В качестве обратной реакции вытесненные события в благоприятный момент были возвращены на общественную сцену практически в виде мифов, став скорее символами, нежели реальными фактами, в силу чего оказались опасно удобными для манипуляций. Неисследованные с научной, то есть рациональной точки зрения, эти исторические предания только подстрекали иррационально-эмоциональное начало. Единственное, к чему могло привести подобное развитие исторического сознания, – это пробуждение национальных аттавизмов.

---

⁷ Драголюб (Дража) Михайлович (1893–1946) – офицер Генерального штаба. В 1928–1934 гг. – заместитель начальника и начальник дивизий югославской армии. В 1934 г. – военный атташе в Софии, в 1936-м – в Праге. В 1941 г., вскоре после оккупации Югославии фашистскими войсками, начал формировать отряды четников, развернувшие вооруженную борьбу с нацистами, а затем – с Народно-освободительной армией Югославии. В январе 1942 г. был назначен военным министром югославского эмигрантского правительства в Лондоне. В 1944–1946 гг. скрывался. В 1946 г. был схвачен и казнен по приговору народного суда ФНРЮ как военный преступник. – *Прим. переводчика.*

⁸ Анте Павелич (1889–1959) – глава усташей – хорватских фашистов. По образованию и профессии – адвокат. В 1915–1929 гг. – секретарь националистической Хорватской партии права. Организацию усташей основал в Италии в 1929 г. В 1941–1945 гг. – глава «Независимого хорватского государства», созданного в апреле 1941 г. немецкими и итальянскими фашистами. Организатор убийств сотен тысяч жителей Югославии. В 1945 г. бежал из Югославии (скрывался в Австрии, Италии, Аргентине, Испании). В 1945 г. заочно приговорен югославским народным судом к смертной казни. – *Прим. переводчика.*

Гражданская война 1941–1945 годов – исходная точка идеологического раскола, повлиявшего на формирование общественного сознания

Хитросплетение мировых и внутренних событий 1941–1945 гг. вывело на политическую сцену, точнее, поставило у кормила власти коммунистическую партию Югославии во главе с Иосифом Броз Тито. КПЮ стала основным инициатором идеологического разделения, доходившего до фанатизма, суть которого крылась в области иррационально-эмоционального.

Сталинская модель, идеологическая исключительность, однопартийная система и культ вождя повлияли на развитие иррационального ядра в историческом сознании сербского народа, а также «вылепили» форму исторической памяти, апеллировавшей к периоду Королевства Югославии и Второй мировой войны. Классовость как компонент идеологической конфронтации напрочь перечеркивала предыдущий период истории. При взгляде же в исторической перспективе выделялись маргинальные явления в развитии сербского общества (социалистические идеи XIX в., Драгиша Лапчевич⁹). Одновременно в искаженном свете выставлялись династии, монархии, Королевство Югославии, личности выдающихся деятелей политики, культуры, представителей интеллигенции предшествовавшего периода, не важно, были ли они ориентированы проюгославски или нет (начиная с текста Бориса Зихерла «Три прогнивших основания старой Югославии»). Затем стала односторонне изображаться гражданская война, а навязанными представлениями нагло манипулировали.

В конце концов все свелось к крайней поляризации, допускавшей существование исключительно одной непогрешимо справедливой и единственно правильной стороны, а все остальные участники событий в Югославии 1941–1945 гг. классифицировались по отношению к ней, что не соответствовало действительности, многогранной, неоднозначной и изобиловавшей различными подтекстами. Эта поляризация выражалась в тезисе о революции и контрреволюции (совершенно очевидный советский шаблон трактовки исторических событий), с помощью которого пытались полностью искоренить историческую память о гражданской войне. Следует подчеркнуть, что при формулировании подобного тезиса историческая наука (и не только она) постоянно и на разные лады использовала идеологические постулаты в качестве научной истины, без всякой критики соглашаясь с ними. Пытаясь вытеснить правду о геноциде и гражданской войне, где по крайней мере было две стороны (обе входили в антифашистский блок) со своими желаниями, правдами, взглядами и заблуждениями насчет справедливости и несправедливости, заслугами и преступлениями, – официальная власть и вкупе с ней некоторые ученые создали миф об абсолютно праведной идее, имеющей целью основание абсолютно праведного и доброго (коммунистического) общества, а также миф об избранных личностях, призванных воплотить эту идею. Все те, кто противопоставил себя такому представлению, клеймились как враждебно и реакционно настроенные... Идея абсолютного добра и зла в самом зачатке базируется на иррациональных постулатах. Применительно к конкретным историческим событиям и личностям она оказывает мощное давление на формирование рационального, критического исторического сознания.

---

⁹ Драгиша Лапчевич (1864–1939) – деятель сербской социал-демократии, ученый. Один из лидеров Сербской социал-демократической партии. Дважды был депутатом Скупщины, где в период Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны выступал с антивоенными заявлениями. В 1919 г. вступил в компартию Югославии, в декабре 1920 г. вышел из нее. В 1921 г. – один из организаторов реформистской Социалистической партии Югославии. В 1922 г. отошел от политической деятельности. Автор многих работ по этнографии, истории хозяйства и рабочего движения Сербии (в том числе книги «История социализма в Сербии», 1922). – *Прим. переводчика.*

Как некритическое отношение к прошлому приводит к заблуждениям, которыми легко манипулировать

Стимуляция конкретными историческими примерами иррационального начала в историческом сознании приводит к тому, что иррациональность начинает проявляться и по отношению к другим областям истории. С другой стороны, преобладание иррационального очень удобно для манипуляции целым народом, а следовательно, и общественным сознанием. Многие ложные представления, сформировавшиеся таким образом, играли важную роль на протяжении последних сорока семи лет и сохраняются даже сейчас.

Манипулирование известным тезисом о раздорах сербского народа в настоящее время приняло небывалые размеры. Абсурдность ситуации дошла до того, что высказываются предложения (в том числе некоторыми видными деятелями) перевернуть геральдические символы на государственном гербе. Ссылки на популярную поговорку-лозунг «Само слога Србина спасава» («Только в единстве спасение серба») – на сегодняшний день (с упором на то, что «пора бы сербам договориться», а то «слишком долго были неговорчивыми») суть не что иное, как плод развития иррациональных элементов в историческом сознании сербского народа. Эта поговорка-лозунг чаще всего связывается с сербским историческим гербом, геральдические символы которого ошибочно трактуются как четыре буквы «С». Дело в том, что исторический сербский герб представляет собой щит, на поле которого расположены четыре стилизованных геральдических кресала, вписанных в крест¹⁰. Этот факт наука никогда не ставила под вопрос. Однако в общественном сознании отложилась ошибочная ассоциация с четырьмя буквами «С» как аббревиатурой вышеупомянутой поговорки.

---

¹⁰ Герб Сербии: в красном поле серебряный двуглавый орел с золотыми лапами, клювом и языком, на груди орла – щит. Поле щита разделено серебряным крестом на четыре части, в каждой из которых расположена серебряная фигура (формой напоминающая кресало). – *Прим. переводчика.*

1. Албанцы 2. Болгары 3. Хорваты 4. Венгры 5. Македонцы 6. Черногорцы 7. Мусульмане 8. Сербь 9. Словаки 10. Словенцы 11. Нет преобладающей национальности (Данные переписи 1991 года)

Помимо символов не критически трактуется и само содержание, что придает поговорке смысл и призыва, и наказа. При попытке калькировать эту семиотику, выстроенную на очевидном заблуждении, на сегодняшний момент развития сербского общества создается ложная картина продолжительного существования некоего негативного свойства сербов. Определенные разногласия, расколы и конфронтации бывали на протяжении сербской истории, особенно в последние два века. Речь прежде всего идет о политических усобицах и конфликтах династий Карагеоргиевичей¹¹ и Обреновичей¹², Карагеоргиевичей и Петровичей¹³, о различных подходах отдельных политических группировок к решению некоторых проблем во внешней политике и

¹¹ Карагеоргиевичи – в XIX в. княжеская, а в 1903–1918 гг. королевская династия в Сербии, затем в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1929) и Югославии (1929–1945; фактически до 1941 г.). Основатель – Георгий Черный Петрович (Карагеоргий), руководитель Первого сербского восстания против турок (1804–1813). – Прим. переводчика.

¹² Обреновичи – княжеская (1815–1842, 1858–1882), затем королевская (1882–1903) династия в Сербии; основатель – Милош Обренович, участник Первого сербского восстания. – Прим. переводчика.

¹³ Петровичи (Негоши) – династия в Черногории в 1697–1918 гг. Ее первые представители были митрополитами, объединявшими духовную и светскую власти. Основатель династии – Данило Петрович Негош (правил в 1697–1735 гг.) активизировал борьбу с Турцией и установил политические отношения с Россией (1711). Наиболее яркий представитель – Петр II Петрович Негош (1830–1851), не только государственный деятель, но и поэт, автор таких известных произведений, как «Горный венец», «Луч микрокосма», «Самозванец Степан Малый». – Прим. переводчика.

т. п., однако во все критические моменты в последние два века (до 1941 г.) сербский народ и общество были едины. Нынешнее разделение в острой кризисной ситуации – порождение жестокой идеологической конфронтации времен Второй мировой войны в Югославии. Даже категории, которыми мыслят сейчас, сводящиеся к тому, чтобы полностью растоптать оппонента в политическом споре, абсолютно идентичны тому, что внушалось в коммунистический период (предатель, враг, коллаборант, иностранный шпион и т. п.). Это можно утверждать со всей ответственностью. Нынешнее разделение на сербской политической сцене и в обществе есть поистине упрощенный вариант идеологического раскола, возникшего на территории Сербии и Югославии в 1941–1945 гг. с подачи КПЮ.

Совершенно неверное и искаженное представление об истории русско-сербских отношений также является хорошим примером заблуждений в историческом сознании сербов. Все относящиеся к этому вопросу исторические свидетельства говорят о том, что Российское государство строило свои отношения с балканскими народами (в том числе и с сербами), руководствуясь исключительно собственными интересами. Так, в дипломатии для России важнее всего была Болгария, посредством которой русские хотели осуществить свою стародавнюю мечту – господствовать на Босфоре и Дарданеллах и таким образом заполучить выход в теплое море. С этой точки зрения место Сербии в балканской политике было второстепенным. Тут следует вспомнить известный факт, когда в 1877 г. по Сан-Стефанскому мирному договору Россия присоединила некоторые южные сербские территории, освобожденные от власти Османской империи, к Болгарии¹⁴. Сегодняшние притязания Болгарии на территории, которые должны были входить в состав Великой Болгарии, подразумевают именно границы, обозначенные в 1877 г. Похожая ситуация складывается и относительно идеализации России и русского народа, присутствующей в сербском общественном сознании. Многочисленные примеры как из истории, так и из современности говорят о том, что в русском общественном сознании не сформировалось никаких четких представлений о Сербии и сербском народе или же эти представления туманны, поверхностны и ошибочны. Манипуляция историческими заблуждениями «о многовековой дружбе русского и сербского народа» может иметь катастрофические последствия в нынешней ситуации. Акции, проводимые российскими делегациями на международных форумах, например, на Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), в защиту союзной республики Югославии, имеют целью защиту российских интересов (в перспективе), а не сербских. Сербь в данном случае только удобное средство для защиты интересов России. Как только хлопоты в интересах СРЮ будут идти вразрез с российскими интересами (если события примут такой оборот), можно не сомневаться, что российские делегации проголосуют на мировых форумах против сербских интересов. Если бы такое случилось, теперешнее катастрофическое положение сербского народа и государства стало бы безвыходным.

Весьма негативными для исторического сознания оказываются последствия еще одного ложного представления. Утверждение, что турецкое иго длилось пять веков (или пятьсот лет),

---

¹⁴ После Адрианопольского перемирия в местечке Сан-Стефано, расположенном в 12 километрах от турецкой столицы, 19 февраля 1878 г. по старому стилю русскими дипломатами Н.П. Игнатьевым и А.И. Нелидовым был подписан Сан-Стефанский прелиминарный договор России с Турцией по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Согласно этому документу создавалось большое независимое болгарское государство – «Великая Болгария» простиравшееся от Черного до Эгейского моря, в его состав были включены как северная часть страны, так и южные области (Восточная Румелия и Македония). При этом турецкие войска лишались права оставаться в пределах Болгарии. Турция признавала полную независимость Румынии, Черногории и Сербии. Ее также обязывали предоставить самоуправление Боснии и Герцеговине и провести широкие реформы в других оставшихся под властью турецкого государства славянских областях. Для сербов Сан-Стефанский мирный договор стал жгучим разочарованием. В состав Великой Болгарии помимо Македонии должны были войти области Старой Сербии со скоплянским санджаком, а также частично дебарским, призренским и нишским. Кроме того, болгарам отходили Пирот и Вране, речь шла даже о Нише. Таким образом, помимо независимости Сербия получила немного, лишь небольшое расширение границ в направлении Нового Пазара и Митровицы. Договор вызвал противодействие западных держав, в особенности Великобритании и Австро-Венгрии, и был на Берлинском конгрессе 1878 г. заменен многосторонним договором, значительно менее выгодным для России и Болгарии. – *Прим. переводчика.*

по крайней мере неточно, если не сказать некорректно. Отсчет срока турецкого завоевания начинается с 1459 г., с падения крепости Смедерово, это признано наукой. Если годом освобождения от владычества Порты считать 1804 г.¹⁵, то получится триста сорок пять лет. Если пойти дальше и взять 1830 г. (обретение суверенитета, подтвержденное турецким хаттишерифом)¹⁶, то в общей сложности выходит триста семьдесят один год. Если же взять 1878 г. (полная независимость Сербии как результат Берлинского конгресса), опять-таки получается четыреста девятнадцать лет. Но никак не пять веков! В то же время в общественном сознании никак не отложился тот факт, что венгры властвовали над хорватами в течение восьми веков, с 1096 по 1918 г.

---

¹⁵ Начало Первого сербского восстания против турок (1804–1813), во время которого был освобожден Белградский пашалык и еще шесть нахий из соседних областей. – *Прим. переводчика.*

¹⁶ Согласно Адрианопольскому мирному договору между Турцией и Россией (1829), Порта возвращала Сербии шесть нахий, освобожденных во время Первого сербского восстания, и предоставляла полную автономию. Условия этого договора были подтверждены султанским хаттишерифом, определившим автономию Сербии как вассального княжества во главе с Милошем Обреновичем в качестве наследного князя. – *Прим. переводчика.*

Общественная элита сербского народа

Коммунистическое наследие, его сталинская модель, исторические условия и неблагоприятные тенденции в развитии общественного сознания во многом повлияли на формирование сербской общественной элиты, на которой лежит большая ответственность за сегодняшнее положение сербского народа.

Интеллектуальная элита, возможно, несет бремя самой большой ответственности. Об этом свидетельствуют несколько фактов, из которых самый очевидный – появление национального лидера в конце 1980-х гг., чье восхождение к власти и политическую презентацию она поддержала: и непосредственно – активным участием, и опосредованно – пассивностью и бездействием. Тогда и зародились, по крайней мере в двух аспектах, предпосылки последовавшего затем сокрушительного поражения. Первый аспект, более очевидный, – культ вождя как таковой. Вверая бразды правления одному человеку, сводят на нет (из-за принципа вождизма) возможность сплочения всех общественных сил, готовых в критической ситуации, как нынешняя, отдать энергию, знания и опыт ради общего благосостояния. Другой аспект – сохранение пагубной идеологической конфронтации внутри сербского общества, начало которой было положено в 1941–1945 гг.

Отношения вождя и интеллектуальной элиты можно проследить на примере Тито. Одной из важных черт, довершавших его культ, была роль «защитника» народа. Интеллектуальная элита немало способствовала появлению этой характеристики. Конфликт Тито с Информбюро в 1948 г. чаще всего преподносится как «историческое НЕТ», избавившее наш народ от великой напасти. Такое мнение можно услышать и сейчас. Однако это сплошное заблуждение. Не был дан ответ на вопрос, что такое, в сущности, это «НЕТ» при конфронтации двух коммунистических руководств. Далее вся критика обращается исключительно на культ Сталина, в то время как в его тени беспрепятственно формировался культ Тито. Никогда не критиковалась система, которую разработал Сталин, а Иосиф Броз установил в 1943–1946 гг. Без критического пересмотра превозносится «протест» Тито, при этом упускается из виду факт, что СССР не предпринял военной интервенции в Югославию, как было в сходных ситуациях в других странах соцлагеря – ГДР, Венгрии, Чехословакии и Польше. До конца не ясно, то ли «протест» Тито состоялся, потому что СССР отступил (как в 1960 г. в Албании, после «мятежа» Ходжи¹⁷), то ли по каким-либо другим причинам. Добавление к культу вождя эпитета «защитник народа», что в отношении Иосифа Броза было сделано после событий 1948 г., создало предпосылки для поиска нового «защитника народа» после смерти вождя, так как общество, ощутив в этом потребность, в некотором смысле оказывало давление.

Что касается другого аспекта, а именно идеологической конфронтации и ощущения идеологической исключительности, необходимо отметить, что сейчас утратился смысл прежнего противостояния, однако его форма и потребность в самом его существовании сохранены в точности. Это можно проиллюстрировать одной строкой из достаточно популярного в прошлом стихотворения – «ко друкчије каже, тај клеветије и лаже» («кто возражает, тот клеветник и лжец»). В сербском обществе никогда не было столь острой потребности в конфронтации в критической ситуации, никогда народ не делился на «наших» и «не наших», патриотов и предателей, добрых и злых. Не было такого ни в кризисный период 1876–1878 гг., ни в 1885 г., ни

---

¹⁷ Энвер Ходжа (1908–1985) – лидер Народной Республики Албания (НРА). В июне 1960 г. албанская делегация на международной встрече представителей коммунистических и рабочих партий в Бухаресте выступила с осуждением примирительной политики СССР в отношении Запада. Затем Э. Ходжа выступил на международном Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960-го с резким осуждением политики Хрущева. Раскол между коммунистами Албании и СССР произошел на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г., когда Хрущев предал гласности суть противоречий между обеими странами, а в декабре были разорваны дипломатические отношения Албании и СССР. – *Прим. переводчика.*

в 1908–1911 гг., ни в 1912–1918 гг.¹⁸, впервые подобное наблюдалось в 1941–1945 гг. и было порождено деятельностью Коммунистической партии Югославии.

Между тем еще одно обстоятельство имело не меньшее значение для развития нынешней ситуации. Для Восточной Европы (в условиях социализма) интеллигенция во времена Тито была необычайно лояльна и преданна власти. В ее рядах не появилось ни одного диссидента (в восточноевропейском смысле) как символа и центра оппозиции и сопротивления (гражданского, интеллектуального и политического) существующему режиму. Диссидент – человек (или даже институт), борющийся за радикальное изменение системы. В других соцстранах было два типа диссидентов, первый – это те, кто эмигрировал (А.И. Солженицын, М. Кундера), второй – те, кто вел борьбу на родине (А.Д. Сахаров, В. Гавел). Сербская интеллектуальная элита выпестовала только один тип борца, такого, кто требует улучшения системы, а не ее кардинального изменения. Вся деятельность интеллектуальной элиты в Сербии проходила под покровительством власти и в ее интересах. Поэтому интеллигенция не подвергала жесткой критике существующую систему и, с другой стороны, пустила на самотек политическое просвещение народных масс. Отсюда и второстепенная роль интеллигенции, и легкость, с которой ею манипулирует современная власть в нынешнем обществе. Политическая элита, олицетворяемая двумя полюсами – властью и оппозицией, своими непродуманными и неграмотными действиями довела свой народ до теперешнего катастрофического положения. Идея вождя, вокруг которой сконцентрирована современная власть, – только суррогат нужных ответов, которые с трудом находятся, но которые должны быть найдены в сегодняшней критической ситуации. Эта идея неудовлетворительна во многих отношениях, а особенно в конце XX века, когда мы оказались лицом к лицу (отчасти по собственной вине столкнулись) с постмодернистскими обществами, за которыми стоит третья технологическая революция. Однако вождизм полностью соответствовал запросам определенной политической группировки, опостылевшей сербскому народу еще во времена социалистического самоуправления, и использовался в целях сохранения трех основных постулатов предыдущей системы власти:

1) важнейшей основы предыдущего периода – коллективной собственности (то есть отсутствие владельца собственности);

2) неподотчетности власти (ответственность перекладывалась на вождя, который законом ограждался от нее);

3) нижних эшелонов власти. Организованная подобным образом громоздкая, неэффективная и несовременная властная структура, ориентированная на прошлое, была не в состоянии достойно встретить надвигающиеся тяжелые времена.

Оппозиции как части политической элиты не удалось воспротивиться такой власти. Наивно и идеалистически веря в ложные представления о сознательном и умном народе (а нашим народом, как и любым другим, очень легко манипулировать), оппозиционеры совершали ошибку за ошибкой, что во многом было обусловлено силой иррационального начала в историческом сознании, равно как и тем, что многие из оппозиционных лидеров являлись выходцами из интеллектуальной элиты, дистанцировавшейся от народа в предшествующий

---

¹⁸ 1876–1878 гг. – сербско-черногорско-турецкие войны, объявленные Сербией и Черногорией, которые требовали от Османской империи передачи Боснии и Герцеговины под свое управление. В феврале 1878 г. Сербия заключила мир с Турцией на условиях довоенного положения. С началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сербия и Черногория вновь открывают военные действия; 1885 г. – война между Сербией и Болгарией, в которой сербы потерпели поражение; 1908–1911 гг. – боснийский кризис после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины; 1912–1913 гг. – Балканские войны (I Балканская война Болгарии, Греции, Сербии и Черногории против Османской империи; II Балканская война Сербии, Греции, Румынии, Черногории против Болгарии); 1914–1918 гг. – после убийства в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда Гаврилой Принципом, членом подпольной организации «Млада Босния», Австро-Венгрия объявила войну Сербии, ставшую началом Первой мировой войны; 1918 г. – всеобщая забастовка, восстание матросов в Которе, массовое дезертирство из австро-венгерской армии. 1 декабря 1918 г. после освобождения территории Сербии и Черногории от австро-венгерских войск провозглашено образование единого Королевства сербов, хорватов и словенцев. – *Прим. переводчика.*

период. На национализм, основанный на иррациональных представлениях об истории, оппозиция ответила аналогичными средствами, что стало сражением с ветряными мельницами, если учесть тот факт, что властные структуры полностью контролировали СМИ (печать, радио и телевидение). Идее вождя оппозиционеры противопоставили тот же самый вождизм, в результате чего была упущена возможность формирования оппозиционного фронта, как это произошло в других восточноевропейских странах. С той же наивностью и идеализмом оппозиция отвергла замысел бойкотирования выборов, лишившись последнего шанса основательно встряхнуть власть в мирных условиях... Словом, действуя эмоционально и наивно, оппозиционное движение позволило манипулировать собой.

Распад Югославије. 1990-1995 године

Военная элита, воспитанная и сформированная на ошибочной, пагубной и ныне неактуальной доктрине, встав на консервативную позицию защиты коммунистического наследия (и собственных привилегий), не имела ни знаний, ни энергии, ни кадров, могущих вести какую-либо войну, а особенно в условиях современности. (Речь, однако, не идет об офицерском и младшем офицерском составе, не участвующих в процессе принятия решений). Если сопоставить военную элиту нынешнюю с той, что была сформирована в конце XIX – начале XX века, до 1912 г. (хотя это сравнение абсолютно неадекватно), то обнаруживается полная некомпетентность современных высших военных чинов (при том, что это самые высокооплачиваемые дилетанты за всю историю Сербии). Военная элита провела самое широкомасштабное отступление (пропорционально территории дислоцирования) в современной истории, от Триглава до

Дрины, гонимая автоматами и минометами, хотя сама располагала несравненно более мощным оружием¹⁹.

Церковная элита, в 1950-х гг. вытесненная на периферию общественной жизни, плохо ориентировалась в новых условиях конца XX века. В результате постоянного лавирования между благодарностью за возвращение на общественно-политическую сцену и идеей соборности церковь, с одной стороны, фактически лишилась статуса объединяющего духовного центра, а с другой – рискует вновь впасть в немилость у власти.

---

¹⁹ Имеются в виду события в ходе распада СФРЮ. Военный конфликт со Словенией в 1991 г., предшествовавший ее выходу из состава Югославии (Триглав – горный массив и одноименная вершина в Словении), война с Хорватией в 1991 г., в Боснии и Герцеговине в 1992–1995 гг. (р. Дрина – река на западе Сербии на границе с Боснией, правый приток р. Савы). – *Прим. переводчика.*

Последствия

Их катастрофичность очевидна. В обозримом будущем нам угрожает война на территории Сербии, полнейший экономический крах вплоть до банкротства страны, углубление идеологической конфронтации и как результат этого – гражданская война, которая породит новые и умножит старые идеологические атавизмы... Открываются перспективы для дальнейшего развития иррациональных тенденций в общественном сознании и повседневной жизни (которые будут оказывать мощное давление на рациональное историческое сознание), для кардинальной перемены менталитета народа, для исторического забвения... Над нами нависла реальная угроза голода, холодной зимы без топлива и отопления, а также полной культурной и научной атрофии на долгий срок... Уже идет «утечка мозгов»; началась утечка капитала; Сербия лишается своих исконных земель на юге, за которые поколения сербов в XIX–XX веках сражались и гибли; мы теряем союзников, значение в мировом пространстве и на Балканах, достоинство.

Формирование Демократического движения в Сербии можно рассматривать, с одной стороны, как последний шанс действовать (коротенькое мгновение, за которое мы достигли десятого круга ада), с другой стороны, как порыв отчаяния (запоздавшая попытка интеллектуальной элиты покаяться в прошлых грехах), обреченный на провал, после чего всех поглотит река забвения.

Я отчетливо вижу будущее: как на звук сигнальной сирены (в какую-нибудь войну, в гражданскую, а может, иностранную интервенцию) мы разрозненной и хаотичной толпой в панике мчимся в убежище, пробегая мимо рухнувшей стены, на которой еще остался плакат СПС (Социалистическая партия Сербии) с предвыборным слоганом: «МИР – ПРОСПЕРИТЕТ» («МИР – ПРОЦВЕТАНИЕ»).

Союзная Республика Югославия

Сербия и мир

Воин Димитриевич Югославский кризис и мировое сообщество²⁰

В кризисе, поразившем СФРЮ, есть и международный компонент. Внимание всего мира (или мирового сообщества²¹), в котором Югославия существовала, функционировала, взаимодействовала и, наконец, агонизировала, не стоит специально обосновывать. Достаточно будет напомнить, что у югославской федерации был особый политический статус в Европе, так как, будучи страной «реального социализма» с точки зрения внутренней политики, во внешних сношениях она сохраняла известную долю самостоятельности, основывавшуюся на формальном членстве, а в прошлом – и ведущей роли в преимущественно неевропейском движении неприсоединения. В этом, а также геополитическом смысле, территория Югославии представляла собой «буферную зону» между двумя военно-политическими блоками, через которую проходили важнейшие пути сообщения и направления (связь России и государств Средиземноморского бассейна, Моравско-Вардарская долина, Люблянский проход и т. д.).

В качестве единственной относительно прочной и эффективной многонациональной формации на Балканах, Югославия воспринималась еще и как потенциальное ядро балканского сотрудничества, а также как препятствие «балканизации», признаком которой является не только создание мелких государств, но и то обстоятельство, что все балканские национализмы были окрашены великонациональной идеей (т. е. идеей создания собственной «вели-

---

²⁰ Текст написан в 1995 году. Опубликовано: Nebojša Popov (ur.), Srpska strana rata: Trauma i katarza u istorijskom pamćenju, Beograd, 2002 (II izdanje), 255–281.

²¹ «Мировое сообщество» – термин, означающий совокупность всех субъектов международных отношений. Слово «сообщество» подразумевает наличие неких общих ценностей в группах, называемых «обществом». Сейчас обычно имеют в виду организованное мировое сообщество, в пределах которого отдельные государства и другие субъекты действуют не анархично и самостоятельно, а посредством форумов для совместных консультаций и принятия решений (в основном международных организаций). Между тем у нас появилась тенденция отмежевания, а подчас и антагонизма мирового сообщества от собственной страны и народа. Об этом свидетельствуют высказываемые вслух предложения о выходе Сербии и СР Югославии из состава организаций мирового сообщества, например из состава ООН. Характерны в этом отношении такие формулировки, как «так называемое мировое сообщество», а также предсказания распада Объединенных Наций.

кой» державы), как правило, определявшей приоритет интересов каждого народа в ущерб соседним.

Сейчас уже забыто, что в первой половине 1980-х гг. существовавшая за рубежом идея самоуправления и самостоятельности была лучше, чем в Югославии, и она вполне подходила в качестве образца для гуманизации и смягчения восточного блока, чей близкий конец так и не смогли предвидеть иностранные наблюдатели и «кремленологи».

Поиск поддержки в мире

Положение в СФРЮ стало ухудшаться во второй половине 90-х гг. XX века, практически одновременно с поступлением информации о коренном изменении ситуации в СССР и странах соцлагеря. Аналитика показывала, что политическая и экономическая система в Советском Союзе не поддается реформированию (по плану Горбачева или кого бы то ни было другого); дальнейшее же ослабление социалистической сверхдержавы продемонстрирует, что социалистическая власть в других странах Восточного региона зиждется исключительно на мощи СССР и страхе перед возможностью его интервенции. Катаклизмы в Советах грозили гораздо более серьезными последствиями близлежащим государствам и всему миру, нежели события в Югославии, в силу присутствия советского ядерного оружия на двух континентах. СФРЮ долгое время не была в центре внимания мировой и западной дипломатии, и это следует иметь в виду, анализируя первую реакцию на события в этой стране. Иными словами, то, что начиная с 1987 г. населению Югославской федерации казалось опасным и драматичным, не воспринималось подобным образом за границей.

Еще трудно однозначно утверждать, каково было отношение государственных деятелей СФРЮ к зарубежным странам. Точнее сказать, вполне очевидно, что те из них, кто грезил о выходе из состава федерации, добивался автономии или статуса конфедерации, были крайне заинтересованы в иностранной поддержке, так как вновь возникшие государства, не имея возможности апеллировать к прошлому, вряд ли смогли бы обойтись без международного признания и помощи. Учитывая тот факт, что у этих группировок была антикоммунистическая направленность (по крайней мере они противостояли югославскому варианту «реального социализма»), их ориентация на Запад вполне естественна, равно как и их искренние или неискренние попытки перенять западные мерил гражданской демократии и прав человека.

С другой стороны, иначе думали те политики, кто постепенно прибирал к рукам контроль над СФРЮ и в конце концов превратил ее в Союзную Республику Югославию (СРЮ)²². Сербские вожди, в процессе кризиса незаметно присвоившие себе право принимать решения, возлагали надежды (совместно с сербской интеллигенцией) на то, что у сербского народа есть давно подтвержденное свойство государственного созидателя²³, что государство Сербии непрерывно существовало и признавалось с XIX века и что она является победительницей в двух мировых войнах. В результате сформировалось убеждение, что Сербия и сербы желанны во всем мире, что у них есть друзья во всех государствах, за исключением исторических врагов, сокрушенных во Второй мировой войне (Германия, Австрия). И сначала национал-социалистическое течение надеялось, что мировое сообщество признает сохранение Югославии в качестве «современной федерации», которая обеспечит более благоприятное положение сербского руководства (как представителя всех сербов в ней) и – что самое существенное –

---

²² 27 апреля 1992 г. на торжественном заседании скупщины СФРЮ, Народной скупщины Республики Сербия и скупщины Республики Черногория народные представители этих двух республик заявили о преемственности государственного, международного, правового и политического статуса СФРЮ в новом совместном государстве – Союзной Республике Югославии (СРЮ). – *Прим. переводчика.*

²³ В преамбуле Конституции Республики Сербии есть ссылки на «государственно-созидательные традиции» сербского народа. Насколько мне известно, это единственная конституция, в которой употреблено такое понятие.

неприкосновенность однопартийной системы, коллективной собственности и других атрибутов системы социалистического самоуправления. Характерно то, что первоначальные их требования к изменению Конституции 1974 г. сводились к пунктам о межреспубликанских и межкраевых отношениях, а также о центральных органах управления, но не затрагивали огромный пласт статей о самоуправлении в организациях коллективного труда и общинах и проистекающей отсюда «системы делегирования» и других форм искоренения демократии посредством нее самой. Точно так же никто в Сербии не потребовал упразднения Закона о коллективном труде, парализовавшем экономику больше, чем мнимая взаимная эксплуатация республик, о которой упорно твердили югославские экономисты, конечно, каждый о своей республике как о жертве.

Группой, желавшей противопоставить себя двум этим направлениям, были те представители руководящих структур, кто объединился вокруг программы Союзного исполнительного веча (СИВ) Анте Марковича²⁴. Эти политические деятели, равно как и партия, позднее организованная Марковичем, опирались в основном на менеджерскую прослойку, коммунистов, склонных к реформированию, и те слои общества, которые нельзя было идентифицировать, прежде всего по национальности. Тогдашний федеральный секретарь по иностранным делам Будимир Лончар и ведущие дипломаты Министерства иностранных дел Югославии, не будучи близки Союзу реформаторских сил и самому Марковичу, склонялись к сохранению СФРЮ при поддержке тех зарубежных государств, для которых (по их мнению) это представляло интерес. Это, в первую очередь, США, Великобритания, Франция и неприсоединившиеся страны. С этой целью югославской дипломатией был предпринят ряд инициатив по сближению с европейскими организациями, с Советом Европы и (тогда еще) Европейским сообществом²⁵. Постепенно СИВ все больше утрачивало влияние из-за разногласий с руководствами трех республик – Сербии, Хорватии и Словении. То же самое касалось и тех сил, которые поддерживали его внутреннюю и внешнюю политику, а особенно коллегию МИД²⁶. Их определение внешнеполитического курса и с ним связанные цели становятся политически не релевантными с начала 1991 г., поэтому в данной статье мы больше не будем обращаться к этой теме²⁷.

Самые значительные и самые узкие круги сербской и федеральной верхушки не были граждански ориентированы, единственное, чего они хотели (даже прибегая к рискованной поддержке сербского национализма), это сохранить социализм не только в Югославии, но и за ее пределами. Такая идеологическая ориентация подкреплялась еще и боязнью, что при рыночной экономике («реставрации капитализма»), политическом плюрализме и демократии

²⁴ Анте Маркович – последний премьер-министр государства СФРЮ. – *Прим. переводчика.*

²⁵ В течение 1991 г. по инициативе МИД СФРЮ Югославию посетили делегации Совета Европы (генеральный секретарь и председатель Европарламента) и Европейского союза. До этого такие визиты происходили значительно чаще, и считалось, что в скором времени Югославия войдет в Совет Европы.

²⁶ Достаточно такой иллюстрации: МИД прилагало усилия, чтобы в июне 1989 г. председатель Президиума СФРЮ получил приглашение президента Франции на торжественную церемонию по случаю празднования двухсотлетия Великой Французской революции. Сербское руководство сочло, что «навязывание» приезда Дрновшека (Янез Дрновшек в 1989 году был избран представителем Словении в Президиуме Федеративной Югославии. – *Прим. переводчика*) «ниже достоинства» государства, а член Президиума от Сербии Борисав Йович чуть ли не требовал к ответу председателя Президиума и союзного министра иностранных дел. Его комментарий стоит процитировать: «Слободан Милошевич был прав, когда в Новом Саде сказал, что мы войдем в Европу, но с гордо поднятой головой, а не как лакеи. И ему было кому это говорить». Профессиональные дипломаты, конечно, знают, как трудно представительствам малых государств добиться приглашения для своего начальства на важные торжественные мероприятия.

²⁷ Успех СИВ во многом зависел от поддержки из-за рубежа. Ее отсутствие, вероятно, объясняется тем, что внимание западной общественности больше занимали итоги многопартийных выборов в республиках, в которых результат Союза реформаторских сил оказался неблестящим. Популярность Марковича, достигшая апогея в 1990 г. (79% поддержки по всей Югославии, 93 – в Боснии и Герцеговине, 89 – в Воеводине, 89 – в Македонии, 83 – в Хорватии, 81 – в Сербии, 59 – в Словении, 42% – в Косове и Метохии), стала сомнительной ввиду итогов выборов и твердой позиции старых и новых руководителей Сербии, Хорватии и Словении, возражавших против сохранения Югославии на условиях, содержащихся в программе Марковича. Так же как и Горбачева, Анте Марковича клеймили как предателя, даже заявляли, что он спровоцировал волнения в Югославии (Илия Петрович и Будимир Кошутич в специальной программе ТВ Сербии).

их общественное положение изрядно пошатнется. Особенно это касалось высших эшелонов Югославской народной армии (ЮНА). Подобное восприятие зарубежных, несоциалистических стран как потенциальных врагов унаследовано от прежних официальных представлений. По их мнению, капиталистический мир всегда был нацелен на уничтожение реального социализма всеми средствами, даже насильственными, что воплотилось в понятии «специальной войны», которая в случае кризиса должна обернуться настоящей или косвенной агрессией. Такой основной позиции сопутствовали ярко выраженная ксенофобия и незнание или недооценка демократических механизмов на Западе, которые рассматривались лишь как ширма для прикрытия решений, принимаемых в мировых средоточиях, неких «центральных комитетах» или «политбюро» международного капитализма²⁸.

Эти круги «руководства» в качестве потенциальных союзников и партнеров видели только мощные социалистические державы, каковыми, по их представлениям, являлись СССР и Китай. Правда, не внушал доверия Горбачев, которого некоторые считали иностранным агентом, посланным для уничтожения социализма, зато верили тем, кто был против перестройки и гласности и кто в августе 1991 г. попытался совершить переворот. Поэтому в критические моменты за помощью обращались только к советскому военному командованию, а не к правительству или Коммунистической партии. Намереваясь, несмотря на сопротивление Президиума, нанести военный удар после событий 9 марта 1991 г. в Белграде²⁹, федеральный министр обороны при согласии члена Президиума от Сербии, бывшего тогда его председателем, потребовал (безуспешно) от советского военного командования обещания защищать режим от западной интервенции³⁰. Председатель Президиума в том же году посетил Китай в надежде заручиться его поддержкой, убедить китайское руководство выступить против нефтяного эмбарго, которое обсуждалось в ООН.

В подобной ситуации была не важна традиционная дружба двух народов, прежде всего рассматривалась идеологическая схожесть, поэтому помощь ожидалась не от любого Советского Союза и не от любой России, а только от «передовых сил» в них. В этой связи федеральные и сербские руководители никогда не были нейтральными по отношению к происходящему внутри СССР и России и открыто возлагали большие надежды на тех, кто пытался сместить сначала Горбачева, а потом Ельцина³¹. С другой стороны, их совершенно не интересовали итоги выборов и политические изменения на Западе из-за непоколебимой уверенности, что из капиталистического мира не может проистекать ничего хорошего для социализма и, позднее, для сербского народа, амальгамированного с социализмом в качестве его единственного искреннего защитника.

Складывается впечатление, что «иноземный фактор» – так внутри страны называли иностранцев (опять-таки под влиянием лексикона ЮНА), имея в виду прежде всего Запад, – и недооценивался, и переоценивался. Переоценивался в смысле его влияния на внутренние события в Югославии, а недооценивался как раз в тех сферах, где вполне могло ожидать его вмешательство, а именно в сфере дипломатии, экономики и применения вооруженной силы.

²⁸ В последнее время главным кандидатом на эту роль стала «Трехсторонняя комиссия». См.: *Novi svetski poredak i politika odbrane Savezne Republike Jugoslavije*, 1993. В этом авторитетном и дорогом официальном издании один из авторов (подполковник Светозар Радишич) даже рассматривает международный заговор против сербской истории (141).

²⁹ 9 марта 1991 г. в Белграде состоялись массовые демонстрации протеста в ответ на запрет митинга оппозиции в центре города. Более десяти часов продолжалось сражение вооруженных отрядов милиции с демонстрантами, а вечером на улицы столицы были вызваны танки для устрашения народа. – *Прим. переводчика*.

³⁰ Председатель СИБ только шесть месяцев спустя узнал о тайном визите члена своего правительства, генерала Кадиевича, к его советскому коллеге генералу Язову и тогда же (18.09.1991 г.) безрезультатно призывал Кадиевича подать в отставку. Еще в ноябре 1989 г. сербское руководство считало генерала Кадиевича лучшей кандидатурой на пост председателя СИБ.

³¹ Особое внимание следует уделить ошибочным представлениям о современной русской интеллигенции и политиках как о (в большинстве своем) крайне консервативных, традиционалистски настроенных, несовременных приверженцах православия, славянофилах. Вероятно, формированию такого мнения благоприятствовали не только частые визиты персон подобного склада в Югославию, но и манера вещания всех СМИ из России.

Бытовало убеждение, что «иноземный фактор» поведет «специальную», а не реальную войну. В соответствии с преобладающей доктриной, что у граждан СФРЮ не может быть автономной политической позиции, что любая критика социалистической системы инспирируется извне, лучшим методом борьбы с ней считался полицейский надзор. Речь шла об использовании классической тайной и явной полиции или армии в качестве полиции (государственный переворот). Отсюда и выводы руководителей федерального военного ведомства и внутренних дел 1989 г.

Союзный министр обороны «полагает, что речь идет о специальной войне против социализма и коммунизма вообще». Он и его коллега из Министерства внутренних дел считают, что «по всей видимости, Союзу коммунистов Югославии не хотят дать возможности провести реформу и остаться на сцене, а намереваются его уничтожить, свергнуть и внедрить систему западной демократии ... суть в том, что иноземный фактор помешает достижению согласия на социалистическом пути, так как его целью является крушение социализма и, по меньшей мере, введение социал-демократии западного типа». Доходило до того, что Западу (именно к западным странам относится обозначение «иноземный фактор») приписывались два направления действий: введение гражданской демократии в Словении и Хорватии и «ликвидация социализма в западной части Югославии» или (более долгосрочный вариант) через западные республики «распространение антисоциалистической идеологии на территории всей Югославии» при сохранении целостности страны³².

Подобная позиция относительно заграницы многое разъясняет и в отношении к населению собственной страны, к «народу», который не спрашивают, хочет ли он демократию, и вообще, умеет ли он мыслить или ему искусственно вживляют идеи из-за рубежа, наподобие пилюль *murtibing* (как в Порабощенном разуме Чеслава Милоша)³³. В рассуждениях 1989 г. прослеживаются зачатки последующего слияния реального социализма и (велико)сербства: поражение социализма только на западных территориях все же меньшее зло, чем его полный крах во всей Югославии, исходя из соображения, что сербский народ (вероятно, после Восьмого съезда Союза коммунистов Сербии (СКС)) настроен просоциалистически или, по крайней мере, менее восприимчив к капитализму и гражданской демократии, чем другие³⁴.

Вследствие этого лучшим противоядием от тлетворного влияния Запада считалась работа тайной полиции. И поэтому в ноябре 1989 г. наделенная большими полномочиями сербско-военно-полицейская административная верхушка СФРЮ предпринимает грандиозную акцию по разоблачению контактов с зарубежными спецслужбами ради спасения Югославии, не поставив в известность Президиум федерации³⁵. Это событие имело место накануне

³² В интервью, опубликованном 3 декабря 1990 г. после выборов во всех республиках, кроме Сербии, на которых коммунисты проиграли, Кадиевич отстаивал «единую и социалистическую Югославию».

³³ Милош Чеслав (Milosz Czeslaw) – выдающийся польский писатель, поэт и переводчик. Лауреат Нобелевской премии. Родился 30 июня 1911 г. близ Вильно, изучал право в Виленском университете. В 1930 г. опубликовал первые стихотворения; был инициатором создания литературной группы «Жагары», членов которой впоследствии стали называть «катастрофистами» за их мрачные пророчества. После войны Милош занимал должность советника по культуре в польских посольствах в США и во Франции. В 1951 г. по политическим мотивам отказался вернуться на родину. В 1953 г. завоевал международное признание сочинением «Порабощенный разум» (*Zniewolony umysl*), в котором показал положение интеллигенции и литераторов при тоталитарном режиме. Милош ввел в диссидентский лексикон такие понятия, как «пилюли Мурти-Бинг» и «кетман». Пилюли Мурти-Бинг – это химический путь восприятия «Новой Веры», так Милош называл «реальный социализм» советского розлива. – *Прим. переводчика*.

³⁴ Версия позднейших правых союзников этой группы борцов против «нового мирового порядка» удивительно похожа: они считали, что сербский народ «аутентичен» и вследствие этого не поддается ложным чарам демократии, рынка и «финансового капитала». Ему противостоит союз США, контролирующих ООН и СБСЕ, Европейского сообщества, в котором доминирует Германия, Турции, как вассала Штатов и вождя исламского мира, и реваншистских соседних государств, как, например, Австрия и Венгрия (Dragoš Kalajić, в: *Novi svetski poredak i politika odbrane Savezne Republike Jugoslavije*, 106 и далее).

³⁵ Решение приняли союзный министр обороны Велько Кадиевич, министр внутренних дел Петар Грачанин и председатель Президиума и его член от Сербии Борисав Йович. По словам Йовича, «как правило, Велько излагает подобные соображения мне, по понятным причинам он не хочет ставить в известность Президиум». Такую же позицию относительно функционеров федерации занимал и генерал Кадиевич.

многопартийных выборов – все члены Президиума суть проверенные коммунисты или хотя бы состоят в Союзе коммунистов Югославии (СКЮ). Памятуя только что пережитый страх перед угрозой социал-демократии, ненадежными считались члены компартии, лояльные к реформированию и не сербского происхождения.

«Иноземный фактор» недооценивался там, где он обычно действует и где наиболее силен: в сфере внешней политики и экономики. Нет признаков, чтобы вновь возникший сербско-военный центр прилагал усилия для выхода из изоляции и поисков союза или, по крайней мере, благосклонного нейтралитета со стороны государств, которые были ему идеологически неуютны (удобных же было мало). Нет попыток склонить на свою сторону ни правительства, ни общественное мнение. Представителей западных держав – и правительственных, и парламентских – принимают небрежно и сознательно унижают (например, государств – членов европейской «тройки»), особенно Ганса ван ден Брука, сенатора Ричарда Доула и т. д. Государственная, официальная и национальная пропаганда обращалась исключительно к ситуации внутри страны, преимущественно к сербскому населению³⁶. Международная пропаганда Сербии, а следовательно, последней власти в СФРЮ и первой в СРЮ, имела тот же смысл, ибо в сущности была направлена на сербскую диаспору³⁷. Подобная агитация абсолютно не соответствовала среде, на которую должна была воздействовать, она призвала принять «правду» о сербах, режиме в Сербии и, позднее, о новых государственных образованиях, на которые с воодушевлением отреагировала сербская общественность внутри страны. Иностранцы коррекспондентов принимали неохотно, обвиняли в пристрастности и шпионаже, даже изгоняли³⁸. С началом войны в Хорватии федеральная сербская сторона, в отличие от мощного натиска хорватской пропаганды, не позаботилась о том, чтобы заручиться поддержкой зарубежной прессы: военное руководство ЮНА, например, генерал Андрия Биорчевич, советовало западным журналистам уехать, а в Славонии ЮНА будто бы защищало южные границы России. «Пропагандистская война» не была проиграна: ее в сущности не было из-за равнодушия к «иноземному фактору». Спонтанные и слабо поддержанные попытки некоторых патриотических сербских обществ и организаций не могли наверстать упущенное – их представители точно так же, вместо того чтобы обращаться к влиятельным слоям зарубежного общества, адресовали свои воззвания только лицам сербского происхождения и по большей части не к месту использовали официальную аргументацию, в которой было мало демократических доводов, а в основном – исторические, правовые и стратегические³⁹.

---

³⁶ Можно даже сказать, что в Сербии требовалась националистическая пропаганда, так как в отличие от интеллектуальной элиты в народе национализм не был развит. Националистическая идея получила большее распространение в эмигрантской среде, поскольку национализм уже был распространен в сербской диаспоре. (Этим комментарием я обязан Весне Петровиц.)

³⁷ Об этом убедительно свидетельствует введение на радио и телевидении Сербии спутниковой программы на сербском языке. Специалисты считали этот шаг дорогостоящим и неудачным, думая, что его цель – воздействие на зарубежную общественность. В реальности же оказалось, что так называемая тарелка, а также новоявленные и из Югославии финансируемые сербские общества, как, например, «Сви Срби света» («Сербь всего мира»), должны были стать мощным рычагом воздействия на сербов, живущих за пределами страны, для их мобилизации на поддержку программы сербского руководства. С учетом правой, по преимуществу четнической и лётической (Димитрие Лётич – бывший министр юстиции, лидер профашистской организации «Збор». – Прим. переводчика) ориентации ядра сербской политической эмиграции, а также того, что сербско-югославское руководство не собиралось менять свой коммунистический имидж, эта акция была поистине феноменом пропаганды.

³⁸ Кроме избранных, как, например, одна итальянская журналистка и корреспондент агентства «Рейтерс» (гражданин Югославии), якобы видевших сорок один труп убитых сербских детей в Борово Населе. Эту информацию впоследствии опровергли и ЮНА, и британское агентство, что в конечном итоге должно было сделать и ТВ Сербии, уделившее большое внимание двум вышеуказанным журналистам.

³⁹ См. The Violent Dissolution of Yugoslavia. Truth and Deceit 1991–1994. One Hundred Irrefutable Facts. Эта работа начинается с воспроизведения карты великой Сербии, якобы утвержденной тайным Лондонским договором 1915 г. с Италией, согласно которому силы Антанты пообещали последней австро-венгерские территории в качестве вознаграждения за участие в военных действиях на стороне Тройственного союза. В границах той Сербии находился Сплит. Неизвестно, насколько достоверны эти данные, однако для общественности США это факт возмутительный, если учесть, что в конце Первой мировой войны президент Вильсон боролся против тайной дипломатии.

Суммируя вышесказанное, становится ясно, что цели тех, кто манипулировал Президиумом СФРЮ и взял на себя командование ЮНА, необходимо было изменить. От стремления к сохранению целостности страны и социализма в ней они перешли к присоединению как можно большего количества территорий к новой Югославии, которая охватила бы все области, населенные сербами, и стала бы сербской державой, несмотря на название⁴⁰. Такая перемена объяснялась отказом от непримиримой стратегии сохранения социалистической Югославии посредством сербского национализма. Именно поэтому отступились от этнически гомогенной Словении, хотя из-за запрета на проведение «митинга правды» 29 ноября 1989 г. в Любляне на эту республику был обрушен страшный гнев вплоть до применения санкций⁴¹. Окончательно идейная трансформация завершилась за время вооруженного конфликта в Хорватии: ЮНА отказалась от стратегии отстаивания социалистической Югославии, также включавшей низвержение несоциалистических режимов в Хорватии и других республиках, а «встала на защиту» нового государства, в котором останутся «сербь и те, кто хочет с ними жить». Идеология уступила «национальному интересу», рассматриваемому с этнической точки зрения⁴².

В соответствии с новой идеей югославская внешняя политика сосредоточилась на следующих целях: заставить зарубежные страны признать, что сербы как народ имеют право на обладание всеми территориями, которые они сами или их руководители сочтут сербскими (по историческим причинам или по проценту проживающего там населения); что право сербов на самоопределение включает право на изменение границ республик; что сербы имеют право, и их историческая миссия заключается в доминировании на территории своего урезанного (но не нового) государства с минимальными правами меньшинств; что это государство может помогать всем движениям сербов в защиту их самостоятельности за пределами своей страны; что две республики – Сербия и Черногория – продолжат югославскую федерацию с абсолютной преемственностью, включающей положение единственного преемника СФРЮ с имущественной точки зрения и членство в международных организациях. Также мировое сообщество должно было признать, что отделившиеся республики нанесли урон национальному и международному праву своей «насиловственной сецессией», и поэтому несут моральную и историческую ответственность за трагедию Югославии (но не за ее распад, так как его, в принципе, не было, учитывая, что официально СРЮ является оставшейся частью Югославии после сецессии)⁴³. Желание обладать территориями в некоторых округах Сербии и на территории проживания ряда сербских общин вне Сербии получило и иррациональный подтекст захвата этих территорий и очищения их от несербов, что называется «этнической чисткой», несмотря на прикрытие из гуманных фраз о разделении населения, невозможности совместного проживания и т. п.

Реакция зарубежья

Организованное мировое сообщество реагировало на ситуацию в Югославии, быстро ухудшавшуюся с 1989 г., через нескольких посредников, которые в основном представляли страны Запада, так как СССР до своего распада был озабочен собственными проблемами, а

---

⁴⁰ По части идеи сохранения социализма некоторые черты впоследствии проявились во внутренней политике СРЮ и Республики Сербии.

⁴¹ Имеется в виду намерение проживавших в Косово сербов и черногорцев провести митинг в Любляне, чтобы довести до сведения общественности Словении положение в крае. Руководство Словении заявило о нежелательности этой акции и готовности предотвратить ее силой. После этого инцидента отношения Сербии и Словении резко испортились. – *Прим. переводчика*. Сербская национальная интеллигенция раньше пользовалась своим влиянием на Милошевича и его окружение, внушая им мысль отказаться от идеи Югославии и в интересах сербов признать, что такого государства больше не существует.

⁴² В специальной терминологии международных отношений понятие «национальный интерес» распространяется на нацию не как этнос, а как государство.

⁴³ Отсюда и требование к государственной администрации и прессе использовать термин «бывшая Югославия».

государства, появившиеся на месте Советского Союза, были не в состоянии быстро включиться в международные процессы, за исключением России, вмешавшейся в югославские события сразу после прекращения существования СФРЮ. Международные организации также пытались взять на себя роль посредников, а именно: Совещание (позднее Организация) по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ/ОБСЕ), Европейское сообщество (позднее Союз), ООН и Североатлантический договор (НАТО). Движение неприсоединения и Исламская конференция играли лишь опосредованную роль, в основном в связи с событиями в Боснии и Герцеговине.

В антикризисной политике в отношении югославского конфликта было несколько этапов.

Сначала исходили из идеи сохранения целостности Югославии, однако при условии, что СФРЮ по примеру восточноевропейских и средневропейских государств изъявит желание освободиться от социализма, встать на путь демократизации и изменить экономическую систему. Эта формула действовала практически до конца 1991 г., и ее поддерживал Совет Европы, ожидавший, что Югославия станет первой из бывших стран социализма, кто войдет в состав этой организации; Европейское сообщество, еще в апреле 1991 г. заявлявшее через первую тройку своих министров Жака Пооса, Джанни де Микелиса и Ганса ван ден Брука о своем намерении сохранить целостность Югославии и решить спорные вопросы мирным путем и предложившее, чтобы в мае министры иностранных дел приняли тождественную декларацию о Югославии; СБСЕ на совете министров в Берлине (19 июня 1991 г.). В поддержку сохранения СФРЮ высказывались и США (визит госсекретаря Джеймса Бейкера в Югославию в июне 1991 г.). Настоятельные требования министерской тройки ЕС во время второго визита (июль 1991 г.) назначить Стипе Месича⁴⁴ председателем Президиума показывают, что тогда еще считалось возможным функционирование СФРЮ на основании Конституции 1974 г., хотя то обстоятельство, что в ноябре 1990 г. госсекретарь США призвал к проведению свободных выборов в республиках, где они еще не были проведены, речь шла о возможности функционирования лишь федеральной структуры, а не всей системы в ее основе.

Постепенно программа поддержки существующей федеративной Югославии заменяется требованиями преобразования страны в свободную федерацию или конфедерацию республик. Это следует из Декларации Европейского сообщества о Югославии от 3 сентября 1991 г., а также из того, как велась Гаагская мирная конференция по Югославии. Окончательный вариант текста Декларации, предложенный председателем конференции лордом Каррингтоном, предоставлял становившимся суверенными югославским республикам право самостоятельно выбирать формы взаимного сотрудничества – от самых тесных до тех, которые могут осуществлять между собой отдельные государства. «Договорные пункты конвенции» предусматривали гарантии прав национальных меньшинств, учитывая, что этнические границы не совпадают с границами между республиками. План не был принят, поскольку его сочла неприемлемым делегация Республики Сербии⁴⁵, хотя отдельные его фрагменты сохранились как условия признания мировым сообществом новых государств на территории бывшей Югославии, и особенно это касалось гарантий прав национальных меньшинств⁴⁶.

---

⁴⁴ Стипе Месич (род. в 1934 г.) – последний президент СФРЮ (ушел в отставку 5 декабря 1991 г.). В 60-е гг. сделал политическую карьеру, став председателем хорватского парламента. Был одним из самых ярых противников Ф.Туджмана. В 2000 г. избран Президентом Хорватии. – *Прим. переводчика.*

⁴⁵ Президент Черногории этот план одобрил, что привело к кризису межправительственных отношений Сербии и Черногории.

⁴⁶ Есть предположение, что отказ сербской делегации принять проект Каррингтона последовал именно из-за этих пунктов, так как они относились и к Сербии – их могли интерпретировать в пользу косовских албанцев. Однако это предположение не находит подтверждения в воспоминаниях Б. Йовича. Согласно ему неприемлемость проекта заключалась в том, что он «разваливает Югославию, рассеивает сербский народ по множеству государств, бросает на произвол судьбы сербов в Хорватии и т. д.» Насколько можно судить, те же самые доводы приводила и сербская делегация во главе с академиком Костой Михайловичем, присутствовавшая на конференции по Югославии в Гааге и Брюсселе. Больше всего их покоробила терминология,

Параллельно с переходом от поддержки федерации к проекту, основанному на системе отношений между суверенными республиками, осуществлялось ознакомление с положением в стране. Складывается впечатление, что поначалу иностранные участники не были готовы и не ориентировались в политической ситуации и чаяниях главных действующих лиц. Позднее они вникли в происходящее лишь поверхностно, но самонадеянно. Потому-то высказывавшаяся поддержка сохранению целостности федерации была в основном декларативной, и неясно, что под этим конкретно подразумевалось. Во всяком случае от СФРЮ ожидалось те же действия, что и от государств, окончательно отказавшихся от социализма, где теперь самыми важными считались принципы демократизации, укрепление прав человека и экономические перемены.

Поэтому усилилось давление, особенно со стороны США, в отношении проведения свободных многопартийных выборов. Они могли состояться только на республиканском уровне из-за острых противоречий между Словенией и Сербией⁴⁷ и привели к власти партии, ставившие во главу угла интересы собственных стран и только в их пределах видевшие возможность демократизации, преобразований и гарантий прав человека (если они вообще имели в виду что-то подобное)⁴⁸. Тем самым посредники в преодолении югославского кризиса упростили его истинную суть и подоплеку, сведя все к межнациональным конфликтам. Была упущена возможность еще в рамках целостного государства решить другие важные вопросы, также лежавшие в основе кризиса, к примеру, условия для политического плюрализма, экономической трансформации и прав человека. Все население Югославии по воле своих национальных лидеров, а теперь и при содействии мирового сообщества безвозвратно ввергнуто в коллективизм. Демократические силы, которые совместно могли бы влиять на события в СФРЮ, невзирая на территориальные границы, оказались разделены и вынуждены были поддерживать патристическую риторику, действуя в пределах своих республик. Везде наиболее высокий рейтинг имела социал-демократическая «левая», которая по своей сути легче преодолевает этнические барьеры в многонациональных сообществах.

Признавая национальных вождей основными партнерами в переговорах без тщательной их демократической «проверки», ЕС фактически наделило их легитимностью государственных деятелей и открыло «зеленый коридор» для воплощения национальных притязаний, в первую очередь тяготевших к созданию и укреплению архаичных государств в духе XIX века с неограниченным суверенитетом над своими территорией и населением, со всеми его атрибутами, особенно военными. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что впоследствии самозванные и со стороны поставленные национальные вожди с весьма сомнительно демократической легитимностью, особенно в Боснии и Герцеговине, стали уважаемыми участниками переговоров на международных встречах. В противоположность демократическим принципам западные посредники и участники антикризисного урегулирования увлеклись решением межнациональных проблем, приняв локальные националистические позиции. Стало важнее не дать вспыхнуть более глобальным конфликтам и предотвратить тяжкие последствия для соседних территорий, однако при этом были совершенно забыты люди, которые должны были адаптироваться в новых условиях.

Провал мирной конференции в Гааге и усиление давления Германии заставили ЕС искать более простые и радикальные решения ввиду санкционирования словенско-хорватской версии развала СФРЮ путем распада, а не сепарации большого числа субъектов федерации. 16 декабря

употреблявшаяся на заседаниях, — из нее можно было заключить, что республики уже стали субъектами международного права и что предлагается только один вариант, вариант создания суверенных независимых республик.

⁴⁷ См. прим. 21. После запрета митинга в Любляне правительство Сербии обратилось к гражданам своей республики с призывом прекратить любые экономические связи со Словенией. — *Прим. переводчика.*

⁴⁸ Практически все без исключения понимали права человека как коллективные права собственной нации, прежде всего право на самоопределение, что должно было заложить основы самостоятельного государства, которое, в свою очередь, станет гарантом индивидуальных прав — более широких для большинства и ограниченных для национальных меньшинств.

1991 г. на чрезвычайной встрече министров иностранных дел стран – членов ЕС была принята Декларация о Югославии, в которой изложена согласованная точка зрения о признании независимости всех государств (если таковые хотят ее обрести) на территории бывшей Югославии. Признание получали республики, которые готовы были выполнить условия Декларации о «принципах признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе», принятой на этом же заседании в тот же день (обе Декларации зарегистрированы в ООН S/23292, 17.12.1991). На основании последнего документа все новые государства обязывались соблюдать положения Устава ООН, обязательства, принятые по Хельсинкскому заключительному акту и Парижской хартии, особенно в отношении права, демократии и прав человека, а также гарантировать права этнических и национальных групп и меньшинств в соответствии с принципами, принятыми в СБСЕ. Помимо этого бывшие югославские республики согласно Декларации о Югославии должны были выразить готовность принять пункты проекта Конвенции (план Каррингтона). Особенно это касалось главы I, где говорится о правах человека и национальных и этнических групп.

Следует учитывать, что югославский вопрос стал первой пробой совместной европейской внешней политики, то есть внешней политики Европейского союза, начавшего свою деятельность по Маастрихтскому договору. Кроме того, вероятный масштаб кризиса в бывшей СФРЮ, который зарубежные наблюдатели не предусмотрели, мерк по сравнению с тем, что совместные решения и координация ЕС во внешнеполитической области могли оказаться неэффективными, а следовательно, неспособными конкурировать с восточным посткоммунистическим блоком и быть равноправными в партнерстве с США. Поэтому-то инициатива Германии о скорейшем признании Словении и Хорватии возымела еще больший вес. Таким образом, югославские республики получили шанс, который исторически редко выпадает движению за независимость. Словения и Хорватия ухватились за этот шанс с восторгом, а Босния, Герцеговина и Македония поневоле, так как в противном случае им пришлось бы остаться в Югославии в условиях сербской военной диктатуры Белграда, формально подкрепленной уменьшением числа членов Президиума СФРЮ⁴⁹. Решение о признании должно было быть принято коллективно на основании вердикта Арбитражной комиссии (комиссии Бадинтера). Между тем Германия пригрозила односторонним признанием и вынудила ЕС поторопиться и в спешном порядке, в начале 1992 г., признать все республики, пожелавшие выйти из состава федерации, за исключением Македонии. Однако здесь изначально присутствовала непоследовательность: Хорватию признали и без решения Арбитражной комиссии, в то время как Македония это решение получила, но не была признана вследствие протеста Греции, не предусмотренного тезисами Декларации. Как выяснилось впоследствии, условия, связанные с соблюдением прав человека, вскоре были забыты: ни одному из признанных государств ни разу не напомнили, что на основании одностороннего заявления о готовности выполнить все требования Декларации они должны гарантировать самые высокие стандарты защиты прав человека и национальных меньшинств.

Поспешное международное признание Хорватии и Словении, а позднее Боснии и Герцеговины, считается ошибкой Европейского союза не только потому, что новые страны (кроме Словении) не соблюли традиционные требования к государству (власть, территория и население), но и потому, что Хорватия не выполнила демократические условия, изложенные в Декларации ЕС. Между тем более важная поправка, на которой особенно акцентировал внимание лорд Каррингтон, была политического свойства и относилась к Словении. Получив международное признание и тем самым достигнув своей основной цели, западные республики поте-

---

⁴⁹ Сербский режим контролировал четырех из восьми членов Президиума: представителей Сербии, Черногории, Воеводины и Косова. Эта четверка (так называемый полупрезидиум) утверждала, что может самостоятельно принимать решения, но они получили бы явное преимущество, если бы число членов федерации сократилось до шести.

ряли интерес к происходящему в СФРЮ и перестали принимать участие в решении других вопросов, касающихся бывшей Югославии, а мировое сообщество лишилось средства воздействия на них. Еще одним из последствий было нежелание признанных республик участвовать в процессе улучшения социальных условий жизни населения оставшихся двух республик союзного государства Югославии. Официальная Словения первая повела себя так, будто никогда и не состояла в СФРЮ и не имеет к ней никакого отношения. Кроме того, у Словении моментально исчезло и вызывающее радение о судьбе албанцев и других представителей национальных меньшинств в Сербии. Оглядываясь назад, ясно, что это напускное беспокойство о правах человека было лишь орудием на пути достижения заветной мечты – государственной независимости. Отношения сразу же перешли в статус межгосударственных, и только государственные проблемы стали актуальными на повестке дня.

Действия Германии заслуживают особого внимания. Многочисленные звучавшие в Сербии истерические высказывания, что, дескать, Германия была главным зачинщиком развала Югославии, чтобы удовлетворить собственные стратегические интересы («выход к теплым морям», доминирование на Балканах, *Drang nach Osten*, складирование ядерных отходов и т. п.), что она отомстила за свое поражение во Второй мировой войне, что все дело в патологической ненависти немцев к сербам, – не должны вводить нас в заблуждение. Однако определенная пристрастность со стороны Германии и Австрии присутствовала, и она повлияла на ход событий в югославском вопросе. Для немецкой традиции характерны понимание и терпимость по отношению к этническому национализму, который, в отличие от государственного патриотизма, присущего традиции Французской революции, часто называют немецкой (германской) моделью национализма. В немецкой среде национализм как таковой не считается чем-то предосудительным и опасным, что в интеллектуальном отношении обусловило формирование понятия «хорошего» национализма, которым очень удачно воспользовалась определенная часть хорватской и словенской интеллигенции, считая национализм позитивным признаком. «Плохие» же формы национализма следует именовать соответствующим образом, например, фашизмом, ксенофобией, шовинизмом, расизмом, политическим этноцентризмом и т. д. По крайней мере два фактора послужили причиной того, что сербский национализм стал восприниматься в Германии как негативное явление. Во-первых, это представление о сербах как о возмутителях спокойствия, врагах и террористах⁵⁰. А во-вторых, Германия была убежищем хорватской националистической и правой эмиграции, считавшей все события в Югославии после 1945 г. результатом доминирования сербского коммунизма. Подобные объяснения первоначально звучали в легко узнаваемых публикациях эмигрантских общин, однако постепенно становились точкой зрения науки и экспертов по мере вхождения новой эмиграции в научные круги, обусловленного их знанием языка и событий в Юго-Восточной Европе. Разные обстоятельства, включая и личный опыт главного редактора Рейсмюллера, привели к тому, что в одной из ведущих газет (во всяком случае, наиболее влиятельной на севере Германии) «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» окончательно сложилось мнение о сербах как об отсталых и неевропейских антигероях югославской драмы⁵¹.

Следует также напомнить, что на атмосферу, благоприятствовавшую признанию «сецессионистских республик», сильно повлияли действия Югославской Народной Армии и руководимых ею спецчастей в войне с Хорватией. Не только потому, что зарубежные СМИ транслировали ужасающие кадры разрушенных городов, но еще из-за того, что пропагандистский

---

⁵⁰ В романе Т. Манна «Доктор Фаустус» описываются карнавалы в Мюнхене, во время которых праздничное настроение нарушалось «приступами паники и боязливой ярости, например, по поводу нелепого слуха, будто отравили водопровод, или мнимой поимки в толпе сербского шпиона».

⁵¹ Влияние франкфуртской ежедневной газеты можно сравнить с сербской «Политикой», которую так умело использовали вожди «антибюрократической революции». Как «Политика» в Сербии, так и «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» в Германии за пределами Баварии стали синонимами «новостей».

аппарат сербских военных с наслаждением победителей вдохновенно приумножал видео– и письменный материал на ту же тему. Негативные последствия стратегии разрушения городов, которую избрала ЮНА, были и военными, и психологическими: выбранные цели (Дубровник, позднее Сараево – города, хорошо известные на Западе) имели символическое значение для иностранцев и дали повод считать, что кампанию ведут жестокие и дремучие люди.

Неблагоприятное мнение о сербах, сложившееся в западной среде, – плод великого недоразумения в Сербии и Черногории, произошедшего между режимом, которому положил начало VIII Съезд сербской компартии (СКС), и национальной интеллигенцией, а также большинством национально ориентированных избирателей. Теперь многие из них с грустью осознают свою ошибку, ведь они сделали свой выбор в полной уверенности, что с приходом к власти Милошевича административный аппарат станет сильным и искренним борцом за сербский народ и его интересы. Продолжение «коммунистической» символики, ритуалов и риторики казалось необходимым злом в целях большей эффективности отношений с «коммунистами» из других республик. Обновленную компартию поддерживали виднейшие диссиденты-националисты внутри страны и за рубежом, которых никак нельзя обвинить в прокоммунистических настроениях (в силу пережитого в период до Милошевича и во времена Тито).

Когда наступили выборы⁵², большинство населения Сербии и Черногории проголосовало за коммунистов как за националистов. В то время как в Сербии коммунистическая партия долго и виртуозно маскировалась под социалистическую, в Черногории она вплоть до выборов сохраняла название Союза коммунистов. И, когда в других республиках коммунисты и их ненационалистически настроенные преемники потерпели поражение, в Сербии они получили 46% голосов, а в Черногории даже 64%⁵³! Отчасти по воле злого рока, а также вследствие неосведомленности и под воздействием упомянутого стиля официальной сербской пропаганды был сделан вывод, что сербы проголосовали за коммунизм, а все остальные – за либеральную демократию. Но даже если бы стало известно, что сербские избиратели были движимы националистической идеей, все равно говорили бы об устаревшем и прокоммунистическом сербском национализме, в то время как в других республиках национализмы были демократические, капиталистические, либеральные (хотя доподлинно известно, что правые). Позднее сложилось представление, что у сербского народа в Сербии и за ее пределами та же самая система ценностей и картина мира, как и у штаба Верховного главнокомандования и близких ему членов Президиума СФРЮ.

Таким образом, сложился стереотип отношения к сербам на последующих этапах, характеризующийся предубеждением, что сербский народ не желает слиться с Европой и миром демократии, рыночных отношений и прав человека, стремится доминировать над другими, навязывая им собственное видение общественной и политической организации. Безусловно, вышеупомянутые действия сербских эмиссаров и генералов, неважно, представляли ли они СРЮ, Сербию или сербскую «верхушку», только укрепили подобные представления. В определенном смысле сбылся прогноз военных идеологов: Запад попытался «отнять» у коммунизма большую часть Югославии, дабы оттеснить коммунистическую Сербию⁵⁴. Этим объясняются и многочисленные натянутые трактовки международного права и морали, а также некоторые спорные моменты в решениях Арбитражной комиссии⁵⁵. Не стоит упускать из виду, что пози-

---

⁵² Речь идет о выборах 1990 г.

⁵³ Согласно структуре избирательной системы в Сербии коммунисты получили 77,6% депутатских мандатов, в Черногории же только 66%.

⁵⁴ Зная об экономических и стратегических затруднениях Сербии, из этих же соображений от нее отвернулись и не настроенные националистически руководители Македонии и Боснии и Герцеговины, к которым позднее примкнуло и руководство Черногории.

⁵⁵ Например, юридическая аргументация в «Меморандуме № 1», согласно которому «СФРЮ находится в процессе распада», в «Меморандуме № 2», что сербское население Боснии и Герцеговины не имеет права на самоопределение, и в «Меморандуме № 3» о государственных границах. «Процесс распада» не является юридическим термином: правовая терминология

ция относительно югославских республик формируется в период 1990–1991 гг., когда казалось, что СССР как коммунистическая сверхдержава может сохраниться и применить свой колоссальный военный потенциал, особенно если к власти там придут «здоровые силы» противников перестройки⁵⁶.

Впоследствии неприязнь к сербскому режиму и вообще к сербам держалась параллельно с убеждением, что в межгосударственных отношениях бывших союзных республик необходимо применение критериев международного права, в том числе и об агрессии. Поэтому был сделан вывод, что Сербия (подразумевая СР Югославию) чересчур активно покровительствует сербской стороне в конфликтах в Боснии и Герцеговине, что расценивалось как угроза международному миру и требовало принятия мер согласно главе VI Устава ООН, не совсем точно именуемых «санкциями»⁵⁷.

Недоверие к сербским субъектам власти, которое у последних провоцировало все большую непреклонность и подталкивало к упорным поискам партнеров вне ООН и других организаций, длилось долго и не прекратилось даже после перестановок в верхах СРЮ. Настороженно относились и к правительству Милана Панича, которое не воспринималось всерьез даже после относительного успеха кандидатуры Панича на президентских выборах в Сербии. Складывается впечатление, что игнорировалась любая оппозиция задолго до того, как оппозиционное движение стало воинственно-националистическим. На Видовданский сабор⁵⁸, на массовые демонстрации студентов в 1992 г. в Белграде либо не обращали внимания, либо истолковывали их как очередное проявление национализма.

Как и следовало ожидать, учитывая прежний опыт введения санкций против государств в схожих ситуациях, меры Совета Безопасности сделали свое дело: деформировали, радикализировали политическую жизнь и усилили режим, а руководство Сербии и СРЮ, возможно, заставили пойти на уступки. Еще в 1993 г., за два года до Дейтонских соглашений, появились признаки готовности Сербии отказаться от программы-максимум в Боснии и Герцеговине, причем бремя санкций не было основным поводом к этому. Возможность того, чтобы около половины территории Боснии и Герцеговины отошло к сербской стороне (с последующим присоединением ее к СРЮ), выглядела абсолютно реальной, а дальнейшая поддержка однопартийного руководства Республики Сербской⁵⁹ не слишком привлекала сербские верхи, так как СДС (Српска демократска странка – Сербская демократическая партия) Радована Караджича с его правоцентристскими советниками стала бы опасным политическим соперником СПС и президента Республики Сербии не только в Республике Сербской, но и в самой Сербии и буду-

---

обозначает лишь наличие или отсутствие чего-либо, на основании правовых критериев нельзя утверждать процессуальность. Медики, а не юристы констатируют, при смерти человек или нет. Поэтому в меморандумах для обозначения приоритетных направлений могли бы использоваться несколько иные аргументы.

⁵⁶ Открытая поддержка руководством Республики Сербии и СПС (Социалистическая Партия Сербии) путча против Горбачева никак не могла быть на руку сербам.

⁵⁷ Санкция является штрафом, а Устав предусматривает меры, принуждающие адресата прекратить действовать неподобающим образом, то есть ЮНА и СР Югославия должны были прекратить свои действия в Боснии и Герцеговине. Резолюцией 752 от 15 мая 1992 г. Совет Безопасности потребовал, чтобы «те подразделения Югославской народной армии и элементы хорватской армии, которые находятся в настоящее время в Боснии и Герцеговине, были либо выведены, либо переданы под юрисдикцию правительства Боснии и Герцеговины». Констатируя, что ЮНА не подчинилась, 30 мая Совет принял резолюцию под номером 757 (1992) о мерах против СРЮ. То обстоятельство, что Совет не счел нужным применение мер против Хорватии, хотя и в дальнейшем предъявлялись требования вывода «элементов» ее армии, вполне наглядно иллюстрирует позицию по отношению к сербской стороне и роли СРЮ.

⁵⁸ Видовданский сабор (28 июня – 5 июля 1992 г.) – съезд сербской оппозиции перед зданием Народной скупщины. Оппозиционеры потребовали отставки Слободана Милошевича. К ним примкнул кронпринц Александр Карагеоргиевич, впервые посетивший Сербию. – *Прим. переводчика.*

⁵⁹ Республика Сербская – государственное образование сербов на территории Боснии и Герцеговины. Не путать с Республикой Сербией, частью СР Югославии. – *Прим. переводчика.*

щем объединенном государстве. Приоритетной задачей правящего центра в Белграде в течение всего кризиса было сохранение собственной власти⁶⁰.

Есть еще две причины утверждать, что санкции против СРЮ и (косвенно) против Республики Сербской не достигли цели и в экономическом отношении. Результат по сравнению с первоначальным замыслом Совета Безопасности и по собственному его мнению получился половинный: вместо того чтобы покинуть Боснию и Герцеговину, СРЮ сохранила влияние на 49% ее территории, вместо вывода ЮНА ее отряды влились в Армию Республики Сербской, стратегическую, кадровую и пропагандистскую поддержку которой оказывала Армия Югославии. Вместе с тем переломный момент наступил не в результате применения санкций, а в результате военного вмешательства НАТО летом 1995 г. против боснийских сербов и, косвенно, против Армии Югославии, важные стратегические объекты которой были ликвидированы (разведывательные средства, средства оповещения и командования). Тем самым были урезаны преимущества сербско-югославской стороны в вооружении и оборудовании, а долгие колебания западных держав относительно проведения наземной операции без участия Соединенных Штатов завершились вводом заинтересованных и имевших свои мотивы хорватских и боснийских подразделений.

Слободан Милошевич и международные посредники (слева – Карл Билдт)

ООН включилась в процесс урегулирования югославского кризиса позже, чем европейские организации. Существует предположение, что это произошло по желанию федерального сербского руководства во избежание чрезмерного влияния Германии в Европе. Первые шаги

⁶⁰ Неожиданное подтверждение этому можно найти в истории рассмотрения вопроса о правопреемственности в отчете вышеупомянутой официальной экспертной комиссии Республики Сербии, присутствовавшей на мирной конференции по Югославии. Согласно их заключению от 22 июля 1992 г. непризнание правопреемственности СФРЮ – СРЮ таит в себе различного рода опасности, в том числе и конституционно-правовые и политические перемены в СР Югославии, прежде всего в Сербии, новые выборы в целях перестановки правящих партий. Трактовка, что в случае установления правопреемственности необходимо проведение новых выборов, необоснованна. Однако эксперты намекали на условия Декларации ЕС, согласно которым государство должно быть демократическим и проводить свободные выборы. Конституция СРЮ и Республики Сербии провозглашает свободу выбора, эксперты же представляли правительство, пришедшее к власти по результатам первых многопартийных выборов в Сербии в декабре 1990 г., которые называли демократическими и на которых правящая партия получила абсолютное большинство. Следовательно, с правовой точки зрения оснований для опасения не было, однако от страха перед специальной войной со стороны «иноземного фактора» и его внутренних оппозиционных агентов угроза казалась вполне реальной.

дипломатии СФРЮ в этом направлении были успешными: при согласии югославских дипломатов 25 сентября 1991 г. Совет безопасности принял резолюцию № 713 (1991), согласно которой на основании главы VI Устава ООН было наложено полное эмбарго на поставку всех видов оружия и военного оборудования в Югославию, что осложнило снабжение сецессионистских республик оружием и обеспечило долгосрочное превосходство ЮНА, особенно проявившееся в военных столкновениях в Боснии и Герцеговине. Следующий шаг Совет Безопасности принял по инициативе правящей группы в Белграде. Речь идет о введении на территорию Хорватии миротворческого контингента ООН для поддержания прав тамошних сербов без участия ЮНА, которое, по словам Бориса Йовича, повлекло бы за собой расширение мобилизации в Сербии, что было абсолютно контрпродуктивно для сербской политики⁶¹. Совет Безопасности поддержал эту инициативу резолюцией № 721 от 27 ноября 1991 г., на основании которой был разработан план Вэнса. Согласно ему миротворческие силы распределялись по принципу inkblot. Однако СБ не до конца оправдал надежды на то, что «теперь, когда у сербского народа есть власть на этих территориях, потребуем от Объединенных Наций защитить его своими миротворческими силами». Вплоть до применения санкций против СРЮ СБ пытался сохранить нейтралитет по отношению к участникам югославского конфликта, однако под давлением большинства Генеральная ассамблея все больше склонялась к критике сербской стороны. На это большинство влияли различные факторы: например, расистский и высокомерный тон сербской пропаганды, считавшей движение неприсоединения провальной и дорогостоящей «негритянской» авантюрой Тито; упорные попытки Белграда и сербских националистических групп установить связь с Израилем и еврейским лобби; действия боснийских сербов против мусульман (что, возможно, весомее всего), а также все чаще звучавшее в сербской науке и квазинауке отождествление всех боснийских мусульман с фундаменталистами, что в равной степени относилось и к косовским албанцам. Когда же в конце концов в середине 1992 г. стало известно о страшных преступлениях и этнических чистках в Боснии и Герцеговине, за сербами окончательно закрепилась репутация единственных отрицательных героев югославской трагедии, пока на свет не вышли факты, свидетельствующие, что политика хорватского национализма и нового хорватского государства основывалась на идее территориального захвата этнически «защищенных» территорий и что хорватское государство поощряло все направленные на это преступления.

Принципы и прагматика

Ужас при виде зверств, концлагерей, насилия, принудительного переселения и тому подобных акций охватил мировую общественность и международные неправительственные организации, однако не подействовал на правительства. Это происходило в полном соответствии с тенденцией конца 1991 г. смещать акценты с внутренних проблем населения и этнических групп Югославии на международные отношения монолитных постюгославских наций и их государств. Коллективные субъекты можно обвинять в агрессии по отношению к другим коллективным субъектам, но не в отстаивании права выбора более благоприятного для себя статуса и не в защите своих интересов. Их коллективная ответственность исчерпывалась ответственностью за агрессивные действия, что повлекло введение санкций против СРЮ (и позднее против Республики Сербской при странном посредничестве СРЮ). В то же время их отношение к собственному населению перестало представлять интерес, если только речь не заходила о причинении вреда коллективам, среди которых вследствие безудержного увлече-

---

⁶¹ Был найден предлог, чтобы направить Совету Безопасности это предложение без посредничества постоянного представителя СФРЮ при ООН в Нью-Йорке Дарко Шиловича из-за недоверия к нему как к хорвату по происхождению.

ния идей национализма самыми значимыми были национальные (но не какие-либо другие) меньшинства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.